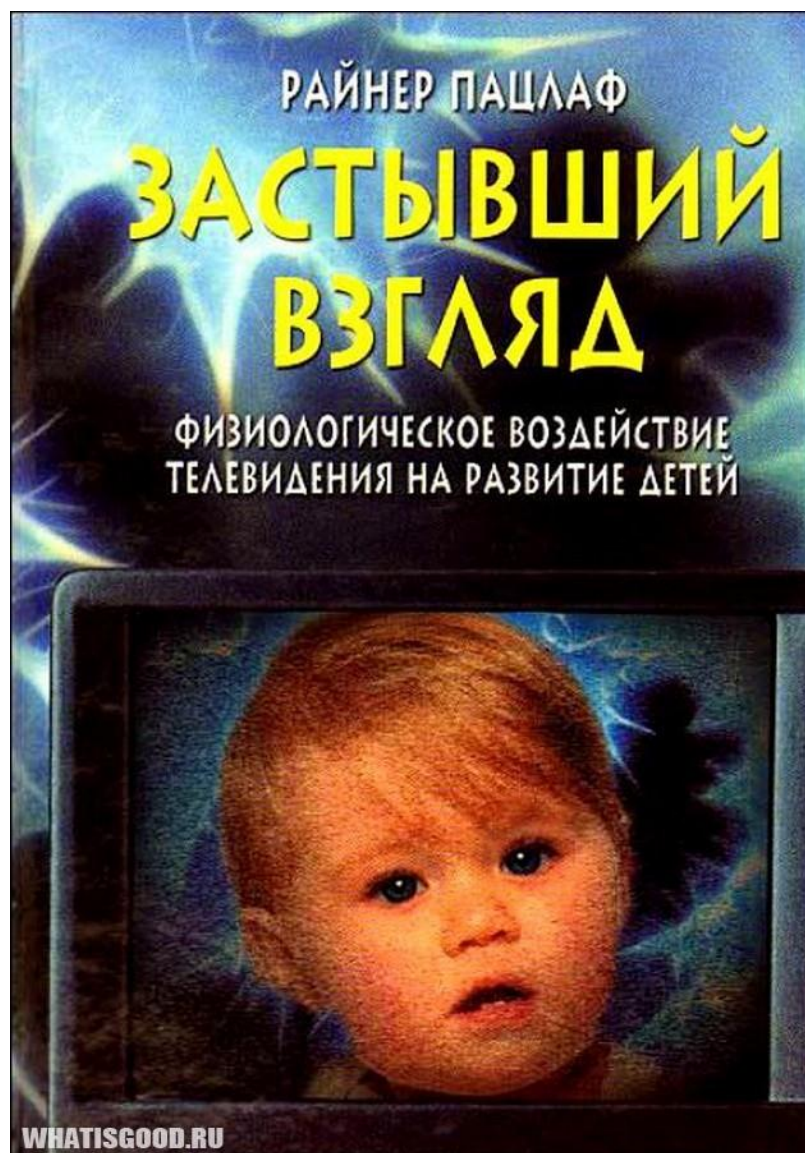

Райнер Пацлаф. Застывший взгляд: Физиологическое воздействие телевидения на развитие детей

Источник: <http://shturmnews.info/content/rayner-paclaf-zastyvshiy-vzglyad-fiziologicheskoe-vozdeystvie-televideniya-na-razvitie-detey>

Об авторе

Д-р Райнер Пацлаф (род. 1943) изучал германистику, классическую филологию и философию в Мюнстере и Берлине. Он — научный сотрудник Свободного университета в Берлине, доктор наук, стажер, затем учитель в гимназии. С 1975 г. — учитель немецкого языка и истории в старших классах Свободной вальдорфской школы в Уландсхёэ (Штутгарт). Доцент постоянного семинара по вальдорфской педагогике в Штутгарте. Автор книг «Экранная техника и манипуляция сознанием», «Магия масс-медиа, или Владычество над чувствами» и «Деградация языка и агрессия».

От переводчика

Сведения, да и выводы, которые предлагает в своей книге Райнер Пацлаф, безусловно, новы если не для специалистов (психологов и педагогов; но хоть какие-то новинки найдут для себя здесь и они), то, уж во всяком случае, для широкого круга читателей (широта этого круга — другой вопрос). Материал, на который ссылается автор, добывался в Западной Европе и США десятилетиями, а сама книга — его первое обобщение. Речь в ней идет главным образом о результатах подчас многолетних научных исследований, выясняющих объективную и неутешительную картину происходящего с людьми (прежде всего, с детьми), которые смотрят телевизор, и лишь иногда привлекаются высказывания публицистов. Правда, ученые там нередко и сами выступают в прессе, а журналисты ссылаются на науку.

У нас в России по разным причинам рассказать об этом публике, по-видимому, некому. Да и общая ситуация, в которой телевидение делает свое дело, иная, чем, скажем, в Германии (не говоря уже о США): там оно — явление вполне оригинальное и давно привычное, здесь — заимствование и (с некоторых пор) слепое, полное бездумного энтузиазма копирование. С одинаковым энтузиазмом копируются и приемы его производства, и манера потребления: жирный и обильный «телекорм» тут пока в новинку. Правда, несмотря на всю разницу, природа телевидения все-таки одинакова и там, и здесь, а его действие на душу и тело одинаково по всему миру.

При той свирепой, остервенелой жадности, с какой изголодавшееся население глотает с экрана все подряд, с одной стороны, понятно, почему никому нет дела до медицинского освидетельствования такого потребления, а с другой — несомненно, что тема этой книги останется чуждой огромному большинству потребителей. Рука одного автора слишком слаба, чтобы оттащить их или хотя бы их детей от экрана: я вспомнил тут сцену, описанную Сент-Экзюпери. Его, умиравшего от жажды в пустыне, нашли бедуины, которым приходилось время от времени оттащить рассказчика за волосы от поставленной перед ним на землю миски с молоком, ведь милосердные бедуины прекрасно знали, что сразу налакаться досыта — для него верная смерть. Разве что в случае телепотребления речь пока не идет о физической смерти.

Но рассчитывать, что такое положение дел изменится в лучшую сторону, конечно, не приходится. Никакие реформы или, как выражается автор книги, контроль, тут не помогут: сущность телевидения при охлократии всегда будет одной и той же, потому что точно соответствует запросам черни. Рассчитывать можно только на себя. Читатель (иной): «Да. Знаю. Телевизор — ящик для идиотов. Но идиот — кто угодно, только не я». Гм, гм... Прочтите, дорогой читатель, эту книгу — может быть, вам станет не по себе.

Кто же будет читать эту книгу? Ясно — не те, что, кроме бешеного голода, возбуждаемого внутренней пустотой, и наслаждения от его утоления (пустота от этого становится только пуще), не ощущают ничего. И не те, что уже полностью перешли на другое питание, — у них хватило вкуса, чтобы учуять всю нестерпимую, скандальную, всемирную, торжествующую пошлость телевидения, и знаний, чтобы распознать его дикое невежество и бездарность, его безнаказанно-наглуую, плебейскую лживость, — и отказаться глотать наживку, обильно предлагаемую властью, главная забота которой — управляемость масс, а уж главный рычаг управления в потребительских, охлократических обществах — безостановочное и все возрастающее потребление (как прежде таким рычагом были насилие и идеология). Скорее всего, это будут те, что, потребляя, уже ощутили некоторое внутреннее неудобство, первые симптомы отравления. Было бы совсем неплохо, если бы эта книга помогла им (раз уж сами они себе помочь не в силах) добровольно перейти на режим реанимации — и в любом случае не допустить, чтобы их дети становились не людьми, а потребителями.

Скажу еще, что книга эта открыта для всех, а отнюдь не только для антропософов (к коим принадлежит автор и не принадлежит переводчик), потому что данные и львиная доля авторских доводов, выводов и призывов происходят из мира «обыкновенной» науки и обыкновенного здравого смысла человека, не потерявшего своего человеческого достоинства.

Предисловие

...С Карлом надо будет серьезно поговорить — педсовет, отметив его плохую успеваемость, пришел к выводу, что этим летом в старшие классы гимназии ему просто так не пройти. Мы с ним договариваемся, что завтра он придет ко мне потолковать.

Карл спокойно выслушивает мое мнение и спрашивает, что теперь делать. Общие соображения очень скоро приводят нас к вопросу о том, в какой обстановке он дома делает уроки. Тут уж Карл признается, что уйму времени проводит перед телевизором, и притом гораздо больше, чем сам того хотел бы. «В общем, я пялюсь на ящик каждый день по два-три часа». По правде говоря, ему совсем неохота так много смотреть телевизор. Но, едва придя домой, он включает его, а после никак не может от него оторваться. Что делать?

Это переводит разговор на следующую тему. Мы с Карлом всерьез обсуждаем вопрос, какие личные стратегии ему надо бы разработать, чтобы ограничить неумеренное потребление масс-медиа, а освободившееся время с толком использовать для учебы. Разговор, поначалу совсем школьный, неожиданно превратился в психологическую консультацию по поводу того, как мальчику относиться к своей зависимости.

Ученики вроде Карла вовсе не исключения. Цифры, приводимые Райнером Пацлафом в этой книге, вполне соответствуют повседневной действительности. Например, есть семиклассники, которые по понедельникам могут перечислить шесть-семь художественных фильмов, просмотренных за выходные. Другие знают наизусть программы всех каналов и могут совершенно точно сказать, какая серия, какой репортаж и т. п. идет по такому-то каналу в такой-то день и час.

Мы, взрослые, видимо, уже свыклись с чудовищными масштабами потребления масс-медиа детьми. Лишь немногие из нас в полный голос выступают против этого ежедневного педагогического безумия. Даже в вальдорфских школах учителя покорно разводят руками: «Придется, видно, с этим смириться». И это при том, что во всех школах уже давно пора бить тревогу. Ведь в течение последних десяти лет способность детей самостоятельно, творчески усваивать школьные знания ужасающе быстро сокращается. Вот только один из симптомов этого процесса.

Промышленно-торговая палата округа Майн-Кинциг начиная с 1970 г. ведет мониторинг на тему: с какими знаниями и умениями в области орфографии и математики молодые люди вступают в профессиональную жизнь. Поначалу это мероприятие имело целью лишь выявление у начавших трудовую жизнь молодых людей слабой подготовки, чтобы затем предложить им адресную помощь. Но со временем ежегодный тест стал показателем слабой подготовки всей молодежи, вступающей в трудовую

жизнь. Тест, в котором приняло участие 740 добровольцев, был тем же, что и в 1989-м, и в 1994-м. Поэтому оказалось возможным прямое сопоставление: в 1989 г. 47,6 % испытуемых получили по орфографии оценки «хорошо» или «весьма хорошо». В 1994 г. их было еще 46,2 %, а в 1999-м это число сократилось до 34,4 %. Аналогично дело обстоит с умением считать: доля хороших и весьма хороших оценок сократилась с 20,8 % (1989) и 16,1 % (1994) до 11,2 % (1999). Зато численное выражение неважного и плохого владения соответствующими знаниями возросло с 19,6 % (1989) до 27,2 % (1999)¹. [1 - Цифра означает порядковый номер в Списке литературы (см. в конце книги).] Секретарь промышленно-торговой палаты в Ханау, комментируя эти результаты, констатировал, «что образовательная система движется в направлении образования с нормированным „максимально допустимым числом отказов“».

Точная статистика, зафиксированная промышленно-торговой палатой, для учителей стала повседневным явлением. Растет число учеников, которым нелегко понимать абстрактные связи и обдумывать их самостоятельно. Объяснить на уроке математики доказательство сложной теоремы сейчас неизмеримо труднее, чем десяток лет тому назад, — ведь многие школьники не умеют самостоятельно воспроизводить простейшие мыслительные операции, не говоря уж о том, чтобы применять их в новой ситуации.

Было бы, разумеется, опрометчиво искать причину такого положения дел лишь в просмотре детьми телепередач. Тут сказываются и другие воздействия. Но все же неумеренное потребление детьми масс-медиа — очень важный фактор отклонений их развития от нормы.

Мы больше не вправе закрывать на это глаза, а, напротив, обязаны размышлять о том, что следует противопоставить такому опасному процессу.

Стремиться к упразднению телевидения, компьютерных игр и Интернета — абсурд: ведь технические достижения предоставляют и возможности полезные, достойные развития. Вопрос надо ставить иначе: что можно дать детям, чтобы они сумели как-то противостоять негативным воздействиям телевидения? Как воспитать в них правильное отношение к развлекательным техническим средствам, сделать так, чтобы дети на деле правильно относились к масс-медиа?

Тому, кто ставит перед собой такие вопросы, эта книга поможет найти ответы. Райнер Пацлаф ясно и подробно описывает воздействие телеэкрана на детскую психику. Он объективно опровергает существующие на сей счет предрассудки. А что важнее всего, показывает, какими способами родители могут помочь своим детям жить собственным воображением в медийной окружающей среде: ведь именно это качество закладывает в них основы творческого отношения к труду в дальнейшей жизни.

Кому-то эта книга может показаться неприятной. Она приводит в смятение — но делает это ради наших детей, ради нашего будущего! Хорошо, если ее прочтет как можно больше родителей, и главным образом молодых!

Франкфурт-на-Майне, весна 2000 г. Эдвин Хюбнер

Вступление

Ни одно из масс-медиа не вторгалось в повседневную жизнь человечества так властно, как телевидение. С начала его всемирного триумфа прошло уже пять десятков лет — но в общем и целом оно по-прежнему удерживает позиции излюбленного и преимущественного способа проводить досуг, несмотря на наличие таких современных конкурентов, как Интернет и компьютер. Причину столь явного перевеса следует видеть, конечно же, в том, что телевидение, это «окно в мир», связывает зрителя со всем происходящим в большом мире, да так красочно и реалистично, как никакое другое СМИ. Зрителю кажется, что именно с его помощью легче всего приобрести широкий кругозор. Ведь тут человек не просто слышит или читает о событиях, а, можно сказать, самолично присутствует, наблюдая происходящее «собственными глазами».

Эпоха, все решительней встающая под знак глобальной политики, глобальной экономики, глобальных экологических проблем, действительно нуждается в такого рода способах смотреть на мир. Направлять наше сознание на всю землю, на все человечество — вот что сегодня самое важное, и в этом смысле телевидение могло бы вносить значительный вклад в решение задач современности, расширяя наш духовный горизонт.

На практике, однако, дело обстоит иначе: более чем тридцать телеканалов заполнены главным образом развлечениями и спортом; им-то в среднем по Германии зрители уделяют ежедневно по два-три часа своего досуга, в то время как текущей информации и познавательным передачам принадлежит сравнительно небольшая доля совокупного времени просмотров (максимум

26 %). Разве при таком положении дел важное не пропадает в море неважного? Разве глобальное отупение не вытесняет столь необходимого углубления сознания?

Многие считают, что телевидение — их главное орудие в приобретении образования и знаний. Но это иллюзия. Журнал «Шпигель» в 1994 г. протестировал состояние общего образования немцев, подведя лаконичный итог: «Результат: чем дольше человек смотрит телевизор, тем скуднее его познания. Это относится ко всем сферам, за исключением одного только спорта» 2.

Стало быть, получается, что и через пятьдесят лет после появления телевидения как средства массовой информации мы не научились относиться к нему так, чтобы оно действительно способствовало нашему развитию. Может, мы делаем что-то неправильно? Или то, что зрители столь жестоко заблуждаются относительно своего настоящего положения, вообще зависит не от них, а от особенностей этого СМИ? Может быть, электронно-лучевой образ, столь несходный с любыми изображениями на бумаге или холсте и даже с диапозитивами и кинокадрами, оказывает подспудное воздействие, о котором мы даже не подозревали?

С помощью современных естественнонаучных методов это можно было бы легко выяснить. Но наука о масс-медиа такие вопросы явно не заботили. До сих пор она занималась исключительно вопросами программ, иными словами — оформления передач и их воздействия на различные категории зрителей, а кроме того — социологическими и педагогическими аспектами использования телевидения. Этим темам посвящена уйма публикаций, а вот подспудным воздействиям операторской работы и телемонтажа на зрителя — очень немногие работы и уж совсем немногие — неосознаваемым физиологическим воздействиям телеэкрана. Не так давно американскому нейрофизиологу Кейту Баззлу пришлось с величайшим удивлением констатировать, что о биохимических, эндокринных, нейромышечных и сенсорных процессах, идущих в человеческом организме во время просмотра телепередач, исследователям почти ничего не известно, как и о процессах, протекающих в это время в центральной нервной системе³.

Как бы там ни было, то немногое, что можно найти в современной литературе о воздействии телевидения, содержит столь далеко идущие выводы, прежде всего относительно развития детей, что общественность,

безусловно, должна быть осведомлена об этом. Речь идет о фактах, которые могли бы настроить нас на гораздо более критическое и сознательное отношение к телевидению, если бы мы с ними считались.

Правда, до сих пор еще не было сколько-нибудь связного изложения таких фактов — и вот, может быть, одна из причин того, что они столь мало известны широкой публике⁴. Поэтому я постарался свести воедино важнейшие результаты разрозненных, часто весьма специальных источников, связав их с моими собственными, отчасти опубликованными уже в 1995 г. исследованиями о воздействии телевидения на движение глаз, так что в итоге здесь впервые складывается целостная картина воздействий, о которых идет речь.

Основной упор в моей книге сделан на физиолого-антропологической стороне дела, а не на содержательных вопросах, связанных с телепрограммами, поскольку я убежден, что фундамент для действительно свободного, объективного отношения к этому СМИ может быть создан лишь через исследование воздействий телеэкрана, не зависящих от содержания программ. Ведь, пока мы не уразумеем, что происходит с нами во время просмотра на бессознательном, подпороговом уровне, т. е. в области чистой психофизиологии, не мы будем хозяевами телевизора, а телевизор — нашим хозяином. Поэтому насущнейшей задачей должно стать повышение степени свободы зрителя в отношении экрана. Данная книга ставит своей целью создание основы для выработки такого более свободного отношения.

Остается только заметить, что мои исследования были отчасти начаты уже в брошюре «Телеприлежание или телемания? Пути к самостоятельному взгляду», опубликованной в апреле 2000 г. Союзом антропософского здравоохранения (Johannes-Kepler-Str. 56, 75378 Bad Liebenzell). Но тогда по соображениям экономии места в брошюре не были включены многие подробности и целые главы, так что полностью работа представлена только в этой книге, куда дополнительно вошла статья «Онемевшее детство», опубликованная в 1999 г. в журнале «Педагогическое искусство» (№ 7/8) и в краткой редакции распространяемая Международным объединением вальдорфских детских садов в информационной серии «Право на детство — право человека» (№ 4).

Штутгарт, май 2000 г. Райнер Пацлаф

ЗАСТЫВШИЙ ВЗГЛЯД

1. Зрение и телевидение

Активная работа глаза

Тот, кто рассматривает картину на стене или фото в иллюстрированном еженедельнике, диапозитив на холщовом экране или картинку в комиксах, полностью свободен в этой ситуации — он может глядеть больше или меньше, удивляться увиденному или нет: эти объекты ни к чему его не обязывают. Поэтому большинство людей считает, что не иначе дело обстоит и с телевидением и что они ничуть не меньше свободны и тут. Но это иллюзия. Телеобраз прямо-таки в огромной степени принудителен, причем зритель никоим образом не может уклониться от такого принуждения, даже если толком не вглядывается в экран.

Чтобы вникнуть в природу этого принуждения, надо сперва разобраться в протекающей без участия сознания работе глазных мышц при обыкновенном зрении. В этой сфере физиология органов зрения пришла за последние десятилетия к революционно новым знаниям, бросающим свет и на ситуацию телепросмотра.

Выработанный еще в XIX веке подход, гласящий, что зрение — своего рода фотографический процесс, в ходе которого внешний мир отображается на сетчатке, словно в фотоаппарате, оказался несостоятельным. Хотя глаз и обнаруживает все признаки фотоаппарата, но в процессе зрения участвует не только оптическая составляющая, а много чего еще. Это стало четко видно, когда с помощью средств современной хирургии оперировались слепорожденные и в результате операций «глаз-фотоаппарат» поступал в их распоряжение вместе со всеми необходимыми нервами, полностью готовый к работе: кроме расплывчатых цветовых пятен и градаций освещенности, они не видели ровно ничего. Они не могли непрерывно и отчетливо распознавать объекты — а это и есть зрение в собственном смысле слова. Не помогали даже настойчивые упражнения, и многие пациенты, чьи надежды оказались так жестоко обмануты, отказывались от усилий, игнорировали зрительные ощущения и возвращались к прежней ориентации по слуху и осязанию; некоторые, отчаявшись, покончили с собой⁵.

А между тем причина такой неудачи науке известна: зрение — процесс отнюдь не пассивный и глаза не просто воспринимают то, что в виде световых раздражений предоставляет им внешний мир. Зрение — процесс

в высшей степени активный. Ведь образам действительности, доступным нам, казалось бы, с первого взгляда, на самом деле сперва приходится подвергаться «обработке» в ходе сложных движений зрительной мускулатуры — и лишь после этого они осознаются. В общем и целом это происходит таким образом.

Хотя вся сетчатка (ретины) покрыта зрительными клетками (палочками и колбочками), область четкого зрения ограничена крошечным участком на задней стенке глазного яблока, *fovea centralis* (центральной ямкой). Этот участок наиболее четкого зрения занимает лишь 0,02 % всей поверхности сетчатки, охватывая угол обзора приблизительно в 2 градуса из круглым счетом 200 градусов горизонтального поля зрения, доступного глазу. Поэтому, глядя на окружающее, мы с полной четкостью можем видеть лишь крошечный фрагмент целой картины, а именно тот, на котором сходится фокус оптических осей обоих глаз.

И все же нам удастся получить ясную, четкую картину, скажем, дома, благодаря тому, что глазные мускулы по очереди фокусируют глаза на различных фрагментах целого, помещая их перед *fovea*. Вот как это происходит: сначала какой-нибудь участок дома фиксируется глазами на долю секунды, затем мускулы скачкообразным движением (на языке специалистов называемым саккадой) переводят фокус зрения на другой участок объекта, тоже фиксируемый на долю секунды, затем следует очередная саккада на третий участок, и так продолжается, пока этими отдельными фиксациями глаза не просканируют достаточное для получения четкой общей картины объекта число участков.

При спокойном созерцании отдельные фиксации длятся от 0,2 до 0,6 секунды, так что за секунду происходит от 2 до 5 саккад; при более лихорадочном обзоре саккады следуют чаще, а фиксации длятся соответственно все меньшее время. И только когда произошли все эти бесчисленные сканирующие движения глаз, человек «видит» то, на что смотрит. Картина, которую он теперь осознает, столь же устойчива и неподвижна, как только что законченная художником картина на мольберте. Но художнику, прежде чем возникла вся картина, пришлось сделать руками тысячи движений: и точно так же в беспрестанном движении были глаза зрителя, пока он по видимости «одним взглядом» не охватил весь дом вполне ясно и четко. То, что он при этом увидел, — отнюдь не фотография объекта, а образ, активно созданный им самим.

Человеческое «я» управляет зрением

Хотя, глядя на что-нибудь, мы не осознаем быстрых движений своих глаз, они тем не менее связаны с нашей личностью. Ведь эти движения не подчинены какой-то единой, раз и навсегда установленной для всех людей схеме, а в большой степени обусловлены индивидуальностью. Они по-

разному происходят даже у одного и того же человека — в зависимости от того, на что он смотрит и что хочет видеть. Разумеется, у любого из нас есть и собственные оптические привычки, и, если мы не ставим перед своим зрением какой-то особой задачи, верх берут устоявшиеся привычки, т. е. типичные для каждого процессы зрения.

С помощью специальных приборов можно сделать видимым движение глаз по объекту при его осмотре — эти приборы вычерчивают путь от одной фиксации взгляда до другой, так что получается своего рода рисунок оставляемых им следов. Если, к примеру, испытуемому предъявить для осмотра фотопортрет (см. ил. 1), то на схеме, созданной прибором, можно увидеть, что рот и глаза фиксируются множество раз, а вот менее характерные части лица, скажем замыкающая его линия, — лишь вскользь⁷. Характерно и то, что правая (с точки зрения изображенной на портрете девочки) половина лица фиксируется взглядом гораздо чаще, чем левая: это потому, что игра света и тени на ней явно богаче и драматичней. К тому же в повседневной жизни люди, глядя на лица, и вообще-то, как правило, осматривают правую их половину почти вдвое чаще, чем левую (это подтверждается исследованиями⁸): ведь у большинства правая половина лица характернее и выразительнее! Отсюда видно, что глаз движется в процессе зрения отнюдь не по готовой схеме, а направляется главным образом туда, где для смотрящего есть что-то важное, говорящее ему о многом. Интерес — вот что управляет глазом.

Интерес может быть вызван извне — чем-нибудь характерным для объекта зрения, но может и произвольно направляться изнутри на определенные детали объекта. В своей фундаментальной книге Ярбус описывает следующий показательный эксперимент⁹. Он предъявлял испытуемым картину, на которой были изображены собравшиеся в комнате хозяева и словно свалившийся им на голову гость. И вот, когда он спрашивал испытуемых о возрасте изображенных людей, их глаза (по показаниям прибора) интенсивно сканировали отдельные лица на картине; если он спрашивал о материальном положении хозяев, взгляды обследовали главным образом мебель, картины на стенах комнаты и т. д.; если речь шла об одежде, досконально изучались соответствующие предметы. А когда он спросил, как долго, по-видимому, посетитель не бывал здесь в гостях, взгляды испытуемых сновали почти исключительно между лицом гостя и ошарашенными лицами хозяев. Ведь где еще было искать ответ, если не в выражении лиц и повороте голов изображенных людей?

В таком случае, как этот, говорят об интенциональном зрении — а эта способность не дается человеку от рождения, но приобретается им в многолетнем процессе научения. Мы бессознательно тренируем ее с самого раннего детства, а став взрослыми, научаемся сознательно развивать и укреплять ее, дисциплинируя зрение.

Одна группа исследователей в 1995 г. убедительно продемонстрировала, как систематическая тренировка зрения становится оптической привычкой. Серия картин, сперва конкретных, затем абстрактных, предъявлялась группе профессиональных художников, группе знатоков искусства и группе дилетантов, не имевших никакого знакомства с живописью. Дилетанты (точнее, их глаза) вели себя в отношении абстрактных картин точно так же, как и в отношении конкретных: они старались сканировать детали, очень мелкими шагами продвигаясь вперед, чтобы найти что-нибудь знакомое. А вот художники и знатоки даже с конкретными образами, а тем более с абстрактными, поступали совсем иначе: они сразу производили общую разведку картины большими саккадами, постоянно встраивая детали в целое, и намного более интенсивно созерцали картины, что подтверждается гораздо более длительной фиксацией их взгляда 10. Стало быть, здесь, можно сказать, двое смотрят на одно, а видят разное. Способ, каким каждый из них смотрит, заранее определен накопленными ими знаниями. В процессе зрения проявляются, с одной стороны, результаты прежних сознательных тренировок, ставших привычкой, а с другой — возникающее стремление различить нечто определенное.

Эта волевая способность исходит из сокровеннейшей сердцевины личности, она представляет собой само «я» человека («я» тут понимается не в обыденном смысле, как сознание собственной индивидуальности, а в более высоком смысле — как сила личности, пронизывающая нас целиком, вплоть до бессознательных органических процессов). И вот мы приходим к выводу: бессознательные движения глаз суть прямые и косвенные проявления свободной, активной деятельности нашего «я».

Телеизображения — не обычные изображения

Для большинства зрителей телеизображение — в принципе такое же, как все остальные. Но это роковая ошибка, как будет показано в следующих главах. Если кино- и диапроекторы создают на экране полносоставные картины, то электронно-лучевые трубки, применяемые в телевизорах (по имени своего изобретателя они называются еще трубками Брауна), в принципе не могут создать полносоставной картины. В такой трубке имеется только один исходящий из катода электронный луч, который, столкнувшись с экраном, создает на нем крошечную световую точку. Эта световая точка посредством системы развертки шаг за шагом обходит всю

поверхность экрана, следуя при этом заложенной в экране растровой сетке, состоящей из 625 строк, в каждой из которых по 833 точки (по европейскому стандарту).

За время своего прохождения по растровой сетке электронный луч точка за точкой воспроизводит заданные телекамерой значения цвета и яркости, так что кадр складывается в своего рода мозаику из 625 x 833 отдельных точек. Все это происходит с умопомрачительной скоростью: световой луч 25 раз в секунду обходит 520 625 точек растра, что составляет ни много ни мало 13 миллионов точек за секунду!

Правда, в действительности дело обстоит так, что хотя за секунду проецируется 25 кадров, каждый кадр состоит из двух частичных кадров (см. ил. 2): сначала электронный луч проходит на экране сверху вниз по всем нечетным строкам, потом, за второй проход, по всем четным. Стало быть, вместо 25 полносоставных кадров воспроизводится 50 неполносоставных, на каждый из которых требуется 1/50 секунды.

Принудительный обстрел сетчатки

Как глаза реагируют на такое неестественное, всегда неполносоставное изображение? Так же, как при просмотре диапозитива или другого изображения, они сканируют телекадр быстрыми движениями, чтобы получить целостный образ. Значит, они фиксируют какой-нибудь случайный пункт, чтобы сканировать его пристальнее, но, еще задолго до того как вообще начнется фиксация, электронный луч успевает уйти с этой точки, возбужденное им свечение угасает и мгновенно исчезает. Значит, здесь уже нечего сканировать. Поэтому глаза совершают саккаду к другому пункту фиксации, делают следующую попытку — и снова попадают впросак: то самое, что только что ярко светилось, в следующий миг растекается бесформенной тенью. Так и продолжается: взгляд может прыгать куда угодно, но нигде не найдет постоянного объекта, который можно было бы просканировать. Бешено мчащаяся световая точка всегда опережает его.

Даже если бы для фиксации глазам хватало очень малого срока в 120 миллисекунд, электронный луч за это время послал бы на сетчатку уже шесть частичных кадров, или соответственно три полных. Значит, еще прежде, чем у глаз появилась возможность самостоятельно зафиксировать образ, нарисованный электронным лучом мозаичный кадр уже попал на сетчатку, и остается он там гораздо дольше, чем на экране, потому что сетчатка слишком инертна, чтобы следовать за бешено мчащимся

световым лучом. Полносоставная, равномерно освещенная картина, которую мы, как нам кажется, видим на экране, на самом деле существует только на сетчатке.

Тут, правда, надо ответить на одно серьезное возражение: мы-де неверно исходим из того, будто световая точка, создаваемая электронным лучом, практически тотчас исчезает — ведь в действительности эффект послесвечения столь силен, что точка не совсем угасает за время до следующего прохода луча. Но это верно лишь с оговоркой. Я процитирую специальное издание: «Место экрана, на которое попал луч, должно какое-то время светиться, чтобы из совокупности световых точек сложилась замкнутая картина. С другой стороны, время послесвечения не должно превышать $1/50$ секунды, поскольку после этого появляется следующая точка раstra, иначе при быстром скольжении луча картина окажется „смазанной“» 11.

Кроме того, точка экрана, на которую упал электронный луч, излучает свет не по прямой, к зрителю, а во все стороны, так что в, скажем, нечетной строке вокруг этой точки возникает «гало», распространяющееся и на соседние четные строки. Но поскольку луч, создавая второй частичный кадр, уже через $1/50$ секунды проходит через эти четные строки, чистое зернистое изображение не получилось бы, если бы он не попадал на совершенно темное место.

Стало быть, частичный кадр угасает уже в то время, когда он только «вырисовывается»; к тому моменту, когда луч попадает на последние точки раstra, первые уже давно погасли. Вот и выходит, что глаза никогда не видят на телеэкране готовой, полносоставной картины, которую могли бы сканировать привычным для себя образом, а всегда находят лишь призрачно исчезающие образы, к которым им по-настоящему не подступиться.

Застывший взгляд

Рассматривая цветную репродукцию, скажем, какой-нибудь картины, мы тоже можем заметить, что она составлена из тысяч крошечных растровых точек. Но когда наш взгляд падает на них, они неизменно сохраняют свои свойства — цвет, освещенность и четкость. А теперь попробуем представить себе такую странную печать, которая выцветает до неузнаваемости, как только ее касается взгляд зрителя: его глаза могут напрягаться сколько угодно — стоит им приступить к фиксации какого-нибудь места, как точки раstra на нем уже почти обратились в ничто. Оптическое впечатление от такой картины всегда было бы сильно размытым.

Но как раз в этой ситуации и оказываются глаза телезрителя: куда бы они ни направлялись, целая картина от них всегда ускользает. Тут мы имеем дело со странным явлением — постоянно светящиеся точки раstra, которых взгляд тщетно ищет на экране, появляются на сетчатке, но при этом собственная активность глаз в значительной степени отключена.

Сюда добавляется и полное замирание аккомодационных движений, т. е. вращений глазного яблока, с помощью которых угол оптических осей глаз постоянно изменяется, приспособляясь к смене расстояний до объектов, как происходит, к примеру, в театре, когда нужно четко видеть находящихся на разных расстояниях от зрителя актеров и кулисы. При телепросмотре же расстояние до экрана остается неизменным, и потому глаза, приспособившись к нему один раз, уже не делают аккомодационных движений, пока взгляд направлен на экран.

Что же происходит, когда сканирующие усилия нигде не находят опоры, а растровая картинка и без них возникает на сетчатке? Столь оживленная в других случаях деятельность глаз становится ненужной и почти целиком сменяется пассивностью. Взгляд цепенеет, превращаясь во всем знакомый «телевзгляд». Народная мудрость неспроста назвала прибор, вынуждающий принимать столь противоестественную установку, «ящиком для идиотов». [2 - Соответствующее немецкое слово вызывает представление о пустом, бессмысленном взгляде. — Здесь и далее примечания переводчика.] Но было бы ошибкой думать, будто «оцепеневший взгляд» — недостаток телезрителя: такой взгляд с первого же мгновения навязывается ему самой природой телекадра, и никто не в состоянии избежать этого принуждения 12.

Разумеется, сознание телепотребителя сопротивляется такой информации: ведь на своем опыте он не замечает никаких изменений и как раньше, так и теперь чувствует себя полностью свободным и активным. Увы, все проводившиеся до сих пор исследования доказывают обратное.

В 1979 г. американская группа экспериментаторов исследовала число саккад при телепросмотре, констатируя заметное снижение активности глаз: в ходе 15-минутного просмотра (показывали какое-то голливудское шоу) у всех испытуемых за промежуток в 20 секунд имели место лишь от 5 до 7 саккад¹³. Если сравнить это число с 2–5 саккадами в секунду при свободном разглядывании природной среды (что для 20 секунд дало бы частоту в 40 — 100 саккад), то снижение составит в среднем 90 %.

Другое свидетельство существенного снижения активности глаз при телепросмотре — диаметр зрачков, который толкуется исследователями как показатель степени активности мозга («кортикальной активации», стимуляции деятельности коры головного мозга) и соответственно как индикатор бодрствующего сознания. В 1980 г. при показе одного и того же фильма с одними и теми же размером и яркостью изображения было обнаружено «заметное сокращение диаметра зрачков» в том случае, когда фильм демонстрировался не на кино, а на телеэкране¹⁴.

Впрочем, телевидение уже и внешними факторами вызывает снижение естественной деятельности органов чувств вдвое: во-первых, оно приводит к полной остановке аккомодацию глаз, поскольку выбранное зрителем расстояние от экрана во время просмотра, как правило, не меняется. Во-вторых, оно надолго ограничивает поле зрения крошечным участком. Ведь при нормальном осмотре окружающего пространства человеческие глаза по горизонтали охватывают угол в 200 градусов и могут свободно двигаться в этих пределах. А если с обычного расстояния смотреть на телеэкран средних размеров (12 x 16 дюймов), то поле зрения оказывается суженным до 6–7 градусов, т. е. сокращается на 97%¹⁵. Даже при чтении книги глаз получает в пять раз большее поле зрения. А в пределах 6–7 градусов глаза, как мы видели, не имеют возможности совершать свободные движения.

Но если активность глаз сводится на нет, то их оцепенение передается и всему телу, и даже самые непоседливые детишки часами сидят перед телевизором неподвижно. Врачи называют такое двигательным застоем — но это сильно преуменьшающая опасность формулировка, заставляющая задуматься, в чем тут дело — просто ли в бездумности или в сознательном введении в заблуждение. Ведь проблема заключается не в пассивности мускулов, а в пассивности воли, управляющей мускулами. То, что при этом происходит, — не более и не менее, как атака на волевою способность человека, обуславливающую его самостоятельность, собственную активность. Тут имеет место снижение, деградация активности, застои воли, а тем самым и деградация личности.

Альфа-состояние

Парализующее глаза воздействие телевизора выражается в измеримом изменении активности токов коры головного мозга, открытом лишь в 1970 г. Тогда-то впервые один исследователь и задался вопросом, какие электрофизиологические изменения потенциалов происходят в мозге под

воздействием телевидения. Инструментом их измерения стала уже давно известная электроэнцефалограмма (ЭЭГ), а, кстати, в общих чертах уже было известно и то, что различные ритмы колебаний мозговой активности, фиксируемые ЭЭГ, соответствуют различным состояниям ясности сознания. Было, скажем, известно, что в темноте или при закрытых глазах преобладают относительно низкие альфа-частоты (8 — 13 Гц), а если открыть глаза или если освещенность возрастет, они тут же сменяются более высокими бета-частотами (14–30 Гц), которые считаются показателем ясности сознания и активного визуального внимания.

В 1970 г. Герберт Э. Кругмен исследовал, какие изменения происходят в ЭЭГ, когда испытуемый от чтения переходит к телепросмотру. Уже первые измерения обнаружили то, что позже только подтвердилось: когда испытуемый смотрел телевизор, бета-частоты почти исчезали, доминировали альфа-частоты. Итак, при телепросмотре наступает так называемое «альфа-состояние». Что же оно означает?

Преобладание альфа-частот исследователи единодушно расценивают как признак снижения визуального внимания. Поэтому Кругмен говорил относительно телевидения о «low involvement» (англ. слабом участии), пассивном восприятии без собственного участия¹⁶. Но уже в ходе дальнейших исследований выявилась намного более сложная картина, чрезвычайно интересная для нашей постановки вопроса.

Альфа-частоты, как оказалось, вовсе не обязательно связаны с пассивностью — они могут возбуждаться и активно, скажем, в состоянии медитации: и без того преобладающие при закрытых глазах альфа-частоты еще больше берут верх по мере того, как медитирующему удается отрешиться от всех чувственных впечатлений и полностью ориентировать сознание вовнутрь¹⁷.

Поэтому не удивительно, что в определенных ситуациях усиление альфа-частот наступает даже при открытых глазах. Такое бывает, к примеру, когда человек предается мечтам и «спит с открытыми глазами». Тут глаза, правда, глядят, как если бы они что-то замечали, но взгляд «отсутствует», в нем нет признаков активности, потому что все внимание обращено вовнутрь, на субъективные картины и мысли. Такое состояние близко к трансу¹⁸.

Другой исследователь, Малхоланд, обнаружил, что высокие бета-частоты сильно теснят альфа-частоты на ЭЭГ, когда имеет место сознательное ориентирование и сканирование окружающего, потому что глаза постоянно заново фиксируют объекты и соответственно аккомодируют. Если же глаза, все равно по каким причинам, теряют объект или отводят от него взгляд, то альфа-частоты возвращаются¹⁹.

Отсюда видно, что все зависит от стремления воспринимать, направляющего взгляд на окружающее: если это направленное волевое усилие передается глазным мускулам, ориентируя их на конкретные предметы, то доминирует визуальная активность, представленная на ЭЭГ преобладанием бета-частот. Но если стремление смотреть покидает глаза, потому что человек хочет, скажем, отдохнуть или его сознание полностью занято субъективной деятельностью, то глаза, лишённые руководства, принимаются блуждать, а взгляд становится оцепеневшим и стеклянным.

Именно в этом положении глаза оказываются перед телевизором: изображения, как мы видели, возникают тут в целостном виде не на экране, где их ищет взгляд, а в самом зрителе, на сетчатке его глаз. Таким-то образом складывается парадоксальная ситуация: взгляд постоянно должен оставаться фиксированным вовне, на экране, а в то же время двигательная активность глаз уже не управляется волевым усилием, поскольку настоящего изображения вовне им не найти²⁰.

Эти изображения не генерируются собственной активностью человека, как при медитации, а выстреливаются катодной пушкой в сетчатку глаз. И все-таки они столь же живые, как если бы добывались собственным волевым усилием при нормальном чувственном восприятии. Полностью бодрствуя, человек тем не менее находится под чарами потока образов, текущего на сетчатку через безвольный, пустой взгляд, как через трубопровод.

Такое управляемое извне состояние между сном и бодрствованием больше всего подобно гипнотическому состоянию с его подчиненностью чуждой воле, противиться которой загипнотизированный просто не способен. И действительно, при гипнозе ЭЭГ обнаруживает совершенно те же симптомы, что и при телепросмотре²¹.

Расход энергии меньше, чем при безделье

При телепросмотре, помимо гипнотического состояния сна наяву, имеет место и другое явление, обнаруженное лишь несколько лет тому назад. После того как в США достоянием общественности стал факт, что распространяющееся подобно эпидемии ожирение детей и подростков напрямую зависит от количества проведенных у телевизора часов,

американские исследователи в 1992 г. впервые задались вопросом, как, собственно, телевидение воздействует на обмен веществ в организме телезрителя. Они обследовали 31 девочку в возрасте от восьми до двенадцати лет, из которых у 16 был нормальный вес, а у 15 — избыточный; все они должны были принять удобную для просмотра позу на кровати. Сначала измерялся так называемый основной обмен веществ (количество энергии, потребляемой в состоянии покоя для поддержания нормальных физиологических функций), а потом — его изменения в ходе 25-минутного телепросмотра перед периодом спокойного состояния той же длительности или после него. (Демонстрировался популярный фильм «The Wonder Years».)

Можно было ожидать, что расход энергии в состоянии покоя будет несколько меньшим, чем при начальном измерении. Но никто и представить себе не мог, что его величина резко пойдет вниз, как только будет включаться телевизор. У всех детей было зафиксировано снижение основного обмена в сравнении со значением начального измерения на 12–16, или в среднем ровно на 14%²². Другими словами: хотя их тела уже до начала телепросмотров были в состоянии абсолютной бездеятельности, расход энергии с началом просмотров снизился еще, и притом значительно.

Получается, что за проведенный у телевизора вечер в зрителе сжигается гораздо меньше калорий, чем при абсолютном безделье, — а ведь, сидя перед экраном, он любит еще и перехватить чего-нибудь вкусенького и сладкого, битком набитого калориями. Стоит ли удивляться, если в таких условиях свирепствует ожирение? А вот еще одна плохая новость для ожиревших: в ходе эксперимента выяснилось, что у ожиревших девочек происходит несравненно более заметное снижение расхода энергии, чем у их худощавых сверстниц. Ну а когда по телевизору показывают бесконечные рекламные клипы, у них слюнки текут при виде жирных и переслащенных лакомств — тут уж эффект только усугубляется. Мы еще вернемся к проблеме свирепствующей эпидемии ожирения во второй главе.

Стало быть, телеэкран переводит в состояние между сном и бодрствованием не только сознание, но и весь процесс обмена веществ в организме. С этим вполне согласуется сообщение Бодэниса — во время телепросмотра пульс становится реже на 10 %, т. е. примерно на семь ударов в минуту, или на 420 ударов в час²³. Кроме того, первые же исследования, проведенные с помощью PET (Position Emission Tomography), указывают, что таким изменениям подвержен, вероятно, и обмен веществ в мозге²⁴. Скорее всего, ни один телезритель до сих пор и представить себе не мог, что телеэкран столь глубоко вторгается в физиологию его тела, как это выясняется теперь, когда наконец-то начали проводиться исследования таких связей.

Взгляд-марионетка

Остановка движений глаз, существенное снижение бета-частот на ЭЭГ, замедление обмена веществ и пульса — все эти признаки говорят об угасании собственной активности, которое вообще-то очень быстро должно приводить сознание в сумеречное состояние, близкое к дремоте. Так, наверное, и происходило бы, если бы этому не противодействовало содержание телепередач. С тех пор как существует телевидение, авторы передач вынуждены вновь и вновь подхлестывать внимание зрителей, чтобы те не засыпали. Постоянный монтаж кадров, развороты и наплывы камерой, панорамирование и масштабирование, смена места, ситуации и сцены — вот их самые испытанные приемы. Они обеспечивают зрителю легкое, как во сне, скольжение сквозь пространство и время, возможность глядеть то с высоты птичьего полета, то из «лягушачьей» перспективы, побыть то здесь, то там, ухватить детали, потом снова воспарить к небесам — и так без конца.

Это и впрямь сущее сновидение. Ведь фактически взгляд зрителя не трогается с места — направление внимания вовне выполняет за него камера. Оцепеневший взгляд, словно марионетка, привязан к ней за ниточку и идет туда, куда идет она. Ибо с теми же легкостью и свободой, с какими глаз обращается в любую сторону, когда не смотрит на телеэкран, он следует по видимому миру и за камерой; для этого не надо даже поворачивать голову. Но это означает, что зрительная воля отдана машине,[3 - Точнее, разумеется, людям, которые ею распоряжаются.] а уж та дурачит марионетку (зрителя), внушая ей, будто воля, что правит здесь бал, — ее.

Иллюзия собственной активности

До сих пор предпринимались не систематические исследования таких параметров телепоказа, как частота смены кадров, позиции камеры, масштабирования и панорамирования, а лишь пробные, выборочные, — но и они дают кое-какую информацию о том, какими могут быть цифры. Выяснено, что частота смены кадров составляет в среднем, в зависимости от жанра, 2–5 секунд²⁵. С точки зрения объективной смена поразительно быстрая, субъективно же зритель переживает ее как совершенно нормальную; ему даже в голову не приходит оценить, как скоро меняются кадры. Такое наблюдение дает повод задаться вопросом, сколь долго глаза могут фиксироваться на объекте в естественном окружении, прежде чем перейти на другой. Специальные работы дают значения, колеблющиеся в

пределах между 2 и 4 секундами²⁶. Это поразительно согласуется с частотой смены кадров в телевидении.

Отсюда следует, что телережиссура — сознательно ли, нет ли — имитирует естественную частоту смены фокусировки глаз, применяя такую же частоту смены кадров и позиции камеры. Потому-то никто и не замечает, что зритель принимает внешнюю режиссуру за свою собственную. Он думает, будто навязанная ему избирательность взгляда — его собственная, впадая в иллюзию ясного сознания и самостоятельности: марионетка словно забывает о нитях, за которые ее ведут.

Дефицит в полсекунды

Такими способами телережиссура какое-то время может поддерживать внимание зрителя в бодрствующем состоянии. Но, поскольку от зрителя не требуется собственной активности взгляда, мало того, она для него даже невозможна, он очень скоро привыкает к своему парадоксальному состоянию, когда, ровно ничего не делая, получает в подарок уйму самых ярких картин, а внимание его тем быстрее парализуется. Вот почему телережиссеры вынуждены создавать этому противовес, применяя все более частые смены кадра, резкие переходы, неожиданные смены перспективы и тому подобное. Но именно тут и возникает эффект, который исследовательница масс-медиа Герта Штурм назвала «дефицитом в полсекунды» ²⁷.

Имеется в виду вот что: в повседневных ситуациях «у воспринимающего человека почти всегда есть в запасе известное, хотя и очень малое, время между ожиданием события и его наступлением. Это относится и к ситуациям речевого общения, и к действиям». Если, скажем, кто-то звонит вам по телефону, он, как правило, не ошарашивает вас своим сообщением сразу же, а сперва называется и здоровается, и вы можете внутренне подготовиться, сориентироваться на звонящего. Даже в рискованных автомобильных ситуациях у водителя чаще всего остается полсекунды, чтобы распознать опасность и подготовиться к соответствующей реакции. Этот акт осознания, мысленного уточнения, выразимого и в словах, акт, имеющий место между двумя этапами развития ситуации, Штурм в 1984 г. назвала «внутренним проговариванием».

Восприятие телевидения противоположно этому: тут для подключения своего опыта и ожиданий зритель совсем редко располагает такими полусекундами. Как правило, он не может предвидеть, каким будет следующий кадр, к которому надо подойти с соответствующей настройкой восприятия. Ведь специальные телевизионные способы подачи материала (монтаж кадров, панорамирование и масштабирование, смена плана, смена

звука, развороты и наплывы камерой, переход от образа к слову и от слова к образу) очень часто ведут к смене места, ситуации и сцены. Но это означает, что никаких полусекунд для подключения своего опыта и ожиданий тут никогда не бывает. Все эти смены места, ситуации и сцены просто происходят слишком быстро. (...) Свойственные только телевидению быстрота и внезапность означают серьезный отказ от личной зрительной активности — поначалу я назвала это явление утратой «внутреннего проговаривания», а сейчас говорю скорее об утрате «внутренней активности» 28.

Но это, замечает автор, отбрасывает зрителя на стадию младенчества, когда освоение мира в понятиях еще не сформировалось. Поэтому она призывает к «медийной драматургии, приспособленной к зрителю», которая оставляла бы временные промежутки и создавала переходы между отдельными ситуациями, и считает необходимым, чтобы «реципиент не застывал на стадии развития, из которой уже давно должен был выйти, будь он сейчас подростком или взрослым».

Как и следовало ожидать, не видно, чтобы этот не раз повторенный Гертой Штурм призыв был хоть как-то воспринят. Ведь она и сама совершенно правильно констатировала, что речь идет о специфической для телевидения бешеной скорости, не оставляющей времени даже на вздох, и, стало быть, о результате, прямо-таки принудительно следующем из внутренних закономерностей телевидения. И утрата собственной, внутренней активности, по поводу которой сетует исследовательница, столь же принудительна, как и утрата внешней активности.

Телеэкран как источник наркотика

Совершенно оправданно замечание Герты Штурм, что ошарашивающие телезрителя внезапные смены сцен и резкие изменения планов вовсе не обязательны; сознательная телережиссура запросто могла бы обеспечить плавные переходы, паузы и «полусекунды», если б только захотела. Но это не решило бы основной проблемы телережиссеров — проблемы все снова впадающего в протрацию внимания, присущей телевидению как таковому независимо от того, насколько хороша драматургия. Не удивительно, что дело логично идет в прямо противоположном направлении — в сторону все более частого и сильного ошарашивания зрителя.

Эта тенденция только усилилась с развитием исследований по психологии рекламы, уже с 60-х годов владеющей особенно сильнодействующим средством приковывать внимание к нужным объектам. Реклама обращается к древнему, коренящемуся в глубинах бессознательного рефлексу, в естественных ситуациях отвечающему за повышение внимания, как только

неожиданно раздается шорох или на краю поля зрения вдруг возникает движение. Такие неожиданные изменения моментально возбуждают полное внимание, потому что сигнализируют о возможной опасности. Поэтому тело мобилизует все свои силы, чтобы при необходимости убежать или отпрянуть: оно сразу выбрасывает в кровь кортизол, гормон, вырабатываемый надпочечниками, как и адреналин.

Так вот, этот припасенный природой на крайние случаи выброс «допинга» происходит и у телезрителя, едва на экране совершается внезапная смена плана, и происходит тем сильнее, чем более резкой была смена. Но зритель-то не пускается в бегство, как бывает в естественных ситуациях, а, напротив, сидит, удобно откинувшись на спинку кресла, и вкушает щекочущий нервы страх — стимулятор, удерживающий его внимание.

А между тем щекочущий нервы эффект очень скоро прекращается, потому что наступает привыкание, и дозу вновь приходится увеличивать, иными словами, повышать частоту и резкость смены кадров и усиливать ошарашивание зрителя. В физиологическом отношении это, по предположению Пирса²⁹, должно вести к постепенному перенасыщению организма кортизолом — и тогда этот предназначенный только для исключительных случаев гормон производит токсическое действие, вводя тело в перманентное подпороговое (неосознаваемое) стрессовое состояние. Стресс же сегодня расценивается как главная причина множества «цивилизационных» (т. е. связанных с техническим прогрессом) болезней. Значит, телемания не просто метафора, в ее основе на самом деле лежит легкая физиологическая мания.^[4 - Под манией в психологии понимается злоупотребление вызывающими зависимость веществами и факторами (видами деятельности) в противоположность их нормальному употреблению.]

Камера незаметно управляет мыслями

После выборов в бундестаг ФРГ 1976 г., выигранных коалицией СДПГ/СвДП, кое-какое внимание привлек к себе исследователь масс-медиа Кеплингер, которому удалось показать, что во время избирательной кампании победившего кандидата от СДПГ Гельмута Шмидта не случайно показывали по телевизору в «лягушачьей» или в «птичьей» перспективе реже, чем его проигравшего соперника Гельмута Коля (ХДС). Между учеными по этому поводу разгорелась бурная полемика³⁰. Неужто столь незначительный фактор, как перспектива съемки, и впрямь мог повлечь за собой столь важные последствия? Конечно, возникали и сомнения, но уже невозможно было игнорировать саму тему: насколько способ телепоказа влияет на подпороговые симпатии и антипатии зрителя³¹?

У кино и у телевидения есть одно общее свойство: посредством монтажа они соединяют разные кадры, пуская их непосредственно друг за другом, благодаря чему у зрителя напрашивается впечатление связи между ними и устанавливается соответствующее отношение, хотя в действительности

такой связи может и не быть. Если, скажем, в репортаже о выступлении политика вслед за такой-то его фразой показывают аплодирующих слушателей, любой зритель, естественно, будет уверен в том, что аплодисменты относятся именно к данной фразе. Но, возможно, никаких аплодисментов не было, просто в телестудии вмонтировали фрагмент заключительных рукоплесканий, а то и сцену рукоплесканий, взятую из совсем другой съемки. Зритель не может проверить это и вынужден верить, питая иллюзию, будто так оно и было, — потому только, что соответствующие кадры шли один за другим. Но если во время речи камера разворачивается на публику, показывая нескольких откровенно скучающих слушателей, то зритель непроизвольно заключает, что оратор, скорее всего, был не на высоте. А уж если оратора вдобавок еще и показывают из весьма невыгодной «лягушачьей» перспективы, то он, можно считать, уже утратил симпатии телезрителей. Если же спросить у присутствовавших в зале слушателей, каким было их впечатление, они, вполне вероятно, скажут что-то совсем другое.

Эти факты послужили поводом для многочисленных научных исследований, одно из которых мы отреферируем здесь как показательное. Рабочая группа Аксея Маттенклота в 1991 г. на телестудии Майнцкого университета, где находилось 32 участника, инсценировала двенадцатиминутную дискуссию экспертов на актуальную тогда тему «Введение страхования на случай нужды в специальном уходе». На сцене дискуссию разыгрывали два мнимых эксперта, а в действительности два актера, получивших от руководителя эксперимента точные инструкции насчет того, как себя вести и что говорить. Группа Маттенклота сообщает: «Дискуссию вела женщина, известный телередактор. Контрагенты представляли диаметрально противоположные позиции. Один высказывался за, другой против обязательного страхования на случай нужды в уходе. Чтобы сохранять примерное равновесие числа и силы аргументов, высказанных обоими контрагентами (в общей сложности их было 16), мы составили тексты для актеров и сценарий с инструкциями для актеров и телеоператоров» 32.

Дискуссию снимали несколько камер, так что было получено и несколько различных версий. Затем проверили их действие на других испытуемых и сравнили с исходным впечатлением 32 присутствовавших в студии студентов. Версии отличались друг от друга тем, что в одной из них крупным планом был трижды показан оратор А, в другой — оратор В. Кроме

того, в одной версии камера выхватила нервные (актерски сыгранные) движения пальцев А, в другой — В. И наконец, в определенные моменты, опять-таки в контрастном порядке, была показана позитивная или негативная реакция слушателей.

Результат оказался поразительным: испытуемые, видевшие дискуссию в студии своими глазами, оценили силы обоих выступавших как примерно равные; А показался им немного слабее. Зато телезрители, чей взгляд вела камера, отдали пальму первенства А, если в их версии съемки его изображение зумировалось (трижды повторенный крупный план лица). И наоборот, А оценивался гораздо ниже, если крупным планом показывали В.

Примерно таковы же были результаты, когда камера выхватывала крупным планом нервную игру пальцев: оратор В, оцененный студийными зрителями немного выше, чем А, получал почти сплошь негативные оценки во время телепоказа, когда камера компрометировала его, давая крупным планом нервно постукивающие по столу пальцы. Но если камера компрометировала А, то В получал позитивные оценки, а А — негативные.

Особенно пикантно то, что выяснилось при оценке воздействия на зрителей показа слушательской реакции: слушатели в студии наблюдали невербальные реакции отдельных гостей (нарочно инсценированные организаторами), не считая, что они влияют на оценки других присутствовавших. А когда отснятый материал с вмонтированной позитивной слушательской реакцией показывали другим испытуемым, они были уверены, что эти реакции влияют на слушательскую позицию. Результат весьма примечательный: испытуемые считали, что другие легко поддаются влиянию телевидения, а вот про себя самих думали, будто на них-то оно повлиять не может! Вот как высказался один из авторов научного сообщения: «Способность к критике, не дающую сбить себя с толку, испытуемые приписывали себе, но отказывали в ней другим реципиентам».

Телевидение — отлитый инструмент политического манипулирования

Такой вывод тем более примечателен, что в качестве испытуемых были выбраны исключительно студенты (числом 179, из институтов Майнца и Висбадена, а также из Майнцкого университета). Авторы сообщения даже не сумели вполне скрыть своего изумления (а может, разочарования?): как раз студенты, «располагающие достаточными познаниями в социально-политической области», столь легко поддаются влиянию чисто формальных элементов показа, не имеющих ничего общего с содержанием

предъявленных аргументов. Все прежние теории, гласившие, что именно такие люди составляют себе мнение в основном под воздействием содержательной стороны аргументов, пошли прахом. Нельзя было апеллировать к нехватке интереса или критических способностей у испытуемых, поскольку в протоколах, составленных после показа материала всем испытуемым, значилось, в соответствии с проведенным анализом, что им «всем без исключения в большой мере присущи критические идеи».

Отсюда становится ясно, как обстоят дела с автономией телезрителя: до просмотра телепередачи и после у него могут быть (если он ими обладает вообще) сколь угодно развитые критические способности. Но вот во время просмотра эти способности словно отключаются, и ситуация складывается гротескная — зритель совершенно правильно диагностирует состояние сниженной критической способности у других, но только не у себя самого. Ему кажется, что он выше любого возможного влияния, — вот тут-то он и попадает в простейшую ловушку драматургии масс-медиа. Если бы сразу вслед за передачей начались выборы, их исход был бы предрешен.

Такие возможности манипулирования сознанием известны телевизионщикам уже давно, и в связи с этим спрашивается: в какой мере эти возможности используют и политики (причем публика о них и не догадывается)? Как известно, в США выборные баталии разыгрываются почти исключительно на телеэкранах, а телевыступления американских президентов не случайно готовятся соответствующими специалистами. Тут важны как раз воздействия, не осознаваемые зрителем, — а уж такие воздействия можно инсценировать вполне преднамеренно.

Эмоции, записанные на жестком диске

Дополнительное отягчающее обстоятельство — эффект, обнаруженный и подтвержденный Гертой Штурм в 1972 г. в ходе множества крупных лабораторных экспериментов. Она исследовала эмоциональное воздействие радио и телевидения на реципиентов, точно измеряя его на уровне бессознательных физиологических реакций (частота пульса, частота и глубина дыхания, электропроводность кожи). Эксперимент повторялся по прошествии одной, двух и трех недель с одними и теми же испытуемыми, чтобы проверить, что из воспринятых знаний и пережитых эмоций сохранилось в их памяти.

Результаты оказались неожиданными для всех участников. Штурм сообщает: «По прошествии трех недель обнаружилось, что знания, полученные через телевидение и радио, были забыты в соответствии с уже давно известными кривыми забывания (скорость забывания со временем

замедляется), а вот вызванные масс-медиа эмоциональные переживания остались в первозданном виде. В эмоциональных переживаниях не обнаружено никаких изменений, никаких коррекций; эмоции реципиентов, возникшие у них в ходе первой передачи, не подверглись забыванию.

Эта неожиданная даже для нас стабильность эмоциональных воздействий масс-медиа была исследована на других группах реципиентов и на материале других передач (например, телевизионных игр). И устойчивость эмоциональных переживаний вновь подтвердилась — как для передач самых различных содержаний и форм, так и в ходе интернациональных исследований» 33.

Все это означает: полученное в ходе телепередачи эмоциональное переживание «оказывается отделившимся и в значительной степени независимым от сохраненных или утраченных знаний» 34. Значит, можно сказать: «Телевидение как масс-медиа вызывает эмоциональные переживания, в силу своей устойчивости равнозначные эмоциональным привязанностям» 35.

Если сопоставить такой вывод с описанным выше экспериментом Маттенклота (1991), показавшим эмоциональную управляемость телезрителя, то выясняется весьма тревожная ситуация: экран не только ведет взгляд, словно марионетку, но и направляет эмоции в совершенно определенные стороны, где они намертво застывают с прямо-таки принудительной силой. Оцепенение тела продолжается в оцепенении и соответственно консервации души — положение дел, при котором идея политического манипулирования прямо-таки напрашивается. И вполне возможно, что национал-социалисты уже догадывались об этом, применив телевидение вскоре после его премьеры в Берлине для показа Олимпиады 1936 г., превратившейся в пускающую пыль в глаза пропагандистское шоу Третьего рейха³⁶.

Если вдуматься, сколь сильно нынешняя демократия при всей объективной и субъективной свободе выбора ориентирована на масс-медиа и сколь значительную роль играет тут телевидение, то поневоле задашься вопросом: а не живем ли мы уже давно при лжедемократии, поддерживающей в гражданах иллюзию полной самостоятельности, причем эта иллюзия только закрепляет их несамостоятельность? Дальнейшее существование демократии — вряд ли этот прогноз окажется ошибочным — будет сильно зависеть от того, удастся ли нам в конце концов избавиться от явно неустраимых чар телевидения, подвергнув его разумному контролю.

2. Телекультура — миф и реальность

Домашний электронный алтарь

Когда по окончании Второй мировой войны радиовещательные станции впервые начали транслировать телепередачи и у каждого появилась возможность купить телевизор, никто и не подозревал, с какой скоростью телевидение распространится по планете за несколько ближайших лет. В 1948 г. в США число телевизоров не достигало и 100 000; спустя каких-то двенадцать лет оно достигло уже 150 миллионов, покрыв тем самым потребности всего населения Америки³⁷. С такой же скоростью телевидение распространилось и в других странах и за два-три десятилетия охватило практически все население Земли — беспримерный триумф, затмивший собой все прежние достижения человечества. Началась эпоха «телекультуры».

Как ни удивительно, за минувшие десятилетия телевидение не стали ценить меньше — напротив, пиетет к нему только возрос, что доказывает постоянно растущее время просмотров³⁸. Сегодня телевидение с большим отрывом лидирует среди способов проведения досуга — как у подростков, так и у взрослых³⁹. Одну из важнейших причин этого явления (наряду с растущим голодом по изображениям⁴⁰) надо, конечно, видеть в том факте, что этот носитель информации, в отличие от газеты или телефона, используется главным образом не для передачи объективной информации, а для развлечения, сулящего оттеснить чувства скуки, внутренней пустоты и одиночества и потому отвоевывающего себе все больше места в повседневной жизни. Телевидение с его ток-шоу, новостями и спортивными репортажами, мыльными операми и боевиками превратилось для современного человека в рассказчика-балагура и клоуна. Но оно же превратилось и в культовое средоточие жизни, задающее ритм дня⁴¹, предоставляющее шаблоны для практической жизни, расширяющее ограниченный кругозор, связывающее индивида с человечеством и внушающее даже беднейшим из бедных ощущение личного участия в ходе общей жизни. Поэтому уже в 1976 г. американский исследователь масс-медиа Джордж Гербнер сравнил роль телевидения с ролью церкви в средние века⁴². Понтер Томас в 1998 г. сделал параллель между телевидением и религией предметом специального исследования⁴³.

В тумане иллюзий

Изначально к телевидению не подходили с теми мерками объективности и трезвости, какие мы считаем естественными для отношения к другим аппаратам: едва началось его победоносное шествие в отдаленнейшие уголки планеты, как вокруг него возник ореол универсального

культуртрегера и благодетеля человечества. С его распространением связывались самые далеко идущие ожидания, мало того, имел место чуть ли не религиозный экстаз, когда сбылось то, что прежде лишь смутно маячило где-то вдали. Телевидение, как гласило общее эйфорическое мнение:

- избавит человека от социальной изоляции,
- даст большую экономию времени в быту,
- будет показывать реальный мир,
- позволит массам населения осваивать все больше информации,
- значительно поднимет образовательный уровень всего населения,
- сгладит различия между социальными слоями,
- будет способствовать развитию когнитивных способностей зрителя,
- поможет детям добиться лучшей успеваемости в школе,
- будет помогать лучше понимать политику и укрепит демократию.

Поначалу наука о масс-медиа не особенно старалась разогнать этот туман благих пожеланий. Но в ходе десятилетий разрабатывались все более тонкие и подходящие инструменты наблюдения за предполагаемыми эффектами телевидения, и чем дальше продвигалось дело, тем менее предсказуемым становилось его поведение в действительности. Результат оказался удручающим, поскольку ни одна из возлагавшихся на телевидение надежд не сбылась. Совсем наоборот.

Одиночество растет

Человек отнюдь не избавился от изоляции. В 1996 г. опросы 57 % населения Германии выявили растущие опасения относительно воздействия новых масс-медиа на межлическую коммуникацию. Известный исследователь социальных тенденций Хорст Опашовски замечает по этому поводу: «Чуть больше половины населения убеждено, стало быть, в том, что сращение компьютера, телефона и телевизора ведет только к одиночеству с машиной. Многие видят в новых мультимедийных возможностях скорее бич одиночества, нежели прогресс в области

коммуникации» 44.

Ловушка для времени: стресс вместо свободного времени

Какой телезритель не пришел уже на своем опыте к выводу, что мнимое наслаждение в конце концов оборачивается непреднамеренным способом убить, растратить время? Ирена Неверла исследовала феномен «телевремени» в специальной монографии, обнаружив действующие тут тонкие психологические механизмы⁴⁵.

Опашовски далее сообщает: «Свежие социальные исследования (Ludtke, 1994) показали, что интенсивное использование мультимедийных средств в формировании личного досуга не дает никакой экономии времени, а, напротив, действует, скорее, как ловушка для времени. Взаимодействие с мультимедиа расхищает временные ресурсы их потребителя. Последствия этого — стресс и хронический цейтнот» 46.

Немаловажный мотив такого поведения — страх упустить что-нибудь важное: «Подрастает целое поколение вскормленных дешевой пищей масс-медиа детей. Уже сегодня каждый второй житель ФРГ по привычке читает во время еды. А при включенном телевизоре читают и едят, глядят и чинят, развлекаются, говорят по телефону с друзьями или играют с детьми и кошками. Всё хочется увидеть, всё хочется услышать, всё испытать, а главное — не упустить ничего в жизни» 47.

Нереальность и страх

Люди думают, что телевидение показывает им реальный мир. Мол, телевизионные изображения в конце концов не могут обманывать. Вот им и верят, верят безусловно. Но авторы передач нацеливают камеры не на обычную жизнь, а на все необычное, сенсационное, на войны, катастрофы, насилие — словом, на все то, что годится для показа по телевидению больше, чем будни. Постоянная битва за квоты эфирного времени не оставляет телередакторам никакого другого выбора.

Благодаря такому упорному выпячиванию всего проблематичного и негативного, преподносимого через множество ужасных картин, задевающих за живое, у заядлого телезрителя неизбежно усиливается впечатление, что он живет в мире, полном зла и опасности, и соответственно растет ощущение угрозы, а в его душе воцаряются страх и недоверие. «Специфическая логика этой ориентации на аномальное состоит в том, что с ее помощью все аномальное практически становится

нормальным, предстает правилом — тем самым действительность переворачивается с ног на голову», — пишет Клаус Ойрих⁴⁸.

Джорджу Гербнеру в 1978 г. удалось эмпирически доказать, что заядлые телезрители больше, чем редко пользующиеся телевизором, подвержены влиянию телевидения, к примеру, в переживаниях по поводу показанных кровавых преступлений в реальной жизни, а потому и сами намного более боязливы. Стало быть, мнимая действительность телеэкрана становится устрашающим фантомом.

Культура чтения деградирует

Польза, ожидавшаяся от растущего информационного телевизионного потока, так и осталась ничтожно малой: предложенный Полом Лазарсфелдом в 1944 г. закон «more-and-more»,^[5 - Возрастания (англ.)] по которому люди, пользующиеся одним СМИ, будут все больше использовать и другие СМИ, работает относительно журналов, только отчасти — относительно газет и не работает вообще относительно чтения книг. В США, к примеру, газеты уже давно читаются все меньше и меньше. В Германии время, затрачиваемое на чтение книг, в целом остается неизменным — обстоятельство, воспринятое как утешительное. Но если принять во внимание, что в период с середины 60-х до начала 80-х годов доля молодых людей одного года рождения, поступивших в вузы, выросла с 32 % до 52 % и за тот же период примерно на 60 % выросло свободное время, то вполне можно было ожидать и роста времени, затрачиваемого на чтение книг. Но этого не произошло — если пользоваться соотносительными мерками, надо констатировать его сокращение⁴⁹.

Что эта зафиксированная в 1981 г. Элизабет Нёлле-Нойман тенденция со временем отнюдь не угасла, показано в подробном исследовании Гельмута ван дер Лара, пришедшего в 1996 г. к выводу, что «ранговое место чтения книг за последние полтора десятилетия заметно понизилось во всех обследованных группах».

По этому поводу автор исследования замечает: «Требования информационного общества, его медийные реалии, предполагают опытного читателя, заядлого читателя с развитым чувством языка (...). Но повсеместно можно наблюдать прогрессирующее ослабление привычки читать, — таково надежно засвидетельствованное положение дел.

Оно должно вызывать беспокойство, поскольку проведенные в последние годы исследования неопровержимо доказали, что привычка читать, умение читать и желание читать есть комплексная ключевая

способность, обеспечивающая психическое, социальное и интеллектуальное развитие детей и подростков. Так, американские ученые Джером и Дороти Сингер уже в начале 80-х годов в многочисленных публикациях указывали на особую важность раннего чтения для развития воображения у детей, а в 1992 г. теоретически обосновали свои выводы⁵⁰. Дети, слушающие рассказы взрослых и рано начинающие читать, не только лучше владеют языком, но и способны более точно представлять себе действительность. А активные читатели оказываются и активными мыслителями»⁵¹.

Чем больше телевидения, тем меньше знания

Как уже упоминалось, журнал «Шпигель» обследовал в 1994 г. состояние общего образования в Германии, установив, что во всех сферах (кроме спорта) знаний у человека тем меньше, чем больше он смотрит телевизор⁵². Значит, о том, что телевидение способствует образованию, не может быть и речи.

Разумеется, этой оценке прямо противоположна самооценка завязанного телезрителя: вопреки всем научным результатам он упрямо остается при мнении, будто лично он «понял все», что передавали, да и вообще, «понимает то, что показывают по телевизору, легче всего». В этой связи Герта Штурм приводит результаты следующего эксперимента: 100 подростков и взрослых просмотрели передачу на тему «бережливость». «Передача была весьма трудная: речь шла о значении бережливости для всей экономики, а также о международной интеграции. Авторы очень гордились передачей, особенно, как они думали, по причине ее доходчивости. (...) Результат: все испытуемые сказали, что поняли передачу. Но при детальной проверке обнаружилось, что подавляющее большинство не поняло ничего; и именно претензии авторов прояснить международные взаимосвязи оказались зрителям явно не по плечу»⁵³.

Штурм констатировала, что все они двигались по цепочке отдельных конкретных образов, от одного к другому, но совсем не обращали внимания на сопровождающий текст. Действовали по принципу наименьших затрат: цепочка образов уже сама по себе внушает ощущение, будто все «понятно», — так зачем еще тратить силы на усвоение слов, по большей части абстрактных! Эта форма поведения — воспринимать только образный ряд, а текстовой в той или иной степени игнорировать —

засвидетельствована в многочисленных научных исследованиях как типичная для телепросмотров.

Стало быть, телевидение препятствует подлинному усвоению знаний как раз тем самым, что в нем ценится больше всего — картинами, как будто бы совершенно реалистическими.

Социальные дистанции растут

Да и различия между социальными слоями отнюдь не сглаживаются телевидением. «Население с низким уровнем образования предпочитает телевидение, с более высоким — газету, журнал, книгу», — гласит итог долголетних исследований⁵⁴. А вот и другой итог: заядлые читатели гораздо лучше разбираются в масс-медиа, чем заядлые телезрители, а значит, много лучше умеют использовать телевидение. Потому-то «пропасть в знаниях» между богатыми и бедными, как выражаются авторы исследования, грозит неуклонным расширением.[⁶ - Смысл этого высказывания, конечно, относителен — даже для Европы. В нашей стране соотношение, скорее, обратное.] При этом важно, по словам Элизабет Нёлле-Нойман, что «речь идет вовсе не только о знаниях — речь идет и о воображении, памяти, интуиции, фантазии, а ведь только они и есть, думается, подлинное богатство»⁵⁵.

Начиная с 1985 г. благодаря увеличению числа телеканалов до более чем тридцати заметно сократилась доля телезрителей, смотревших телевизор главным образом ради получения информации, и в то же время намного увеличилась доля тех, что используют его ради развлечения. Этот сдвиг «породил тип телезрителя — заядлого любителя развлекательных передач, которого в 1985 г. еще не было». Поэтому потребление телевидения «грозит обернуться для большей части населения ФРГ весьма односторонней диетой. А поскольку тенденции к специализации в зависимости от содержания передач и канала связаны с определенными социокультурными признаками, здесь намечается углубление социальных дистанций в отношении к масс-медиа, и прежде всего к политической информации, которую они предлагают. О последствиях подобного углубления в условиях такого демократического государства, как ФРГ, где политика, получив необходимые законные полномочия, в значительной степени ориентирует свои решения и действия на масс-медиа, мы рассуждать здесь не станем — они отчасти очевидны»

Большинство не знает азов масс-медиа

Идея, что телевидение развивает когнитивные способности, так до сих пор и не подтверждена. Скорее, наблюдается прямо противоположное — ужасающий упадок владения речью и способности читать, прежде всего у детей и подростков. Это явление я более подробно рассмотрю в 5-й главе. Здесь довольно процитировать некоторые наблюдения Хорста Опашовски: «В течение десятилетий был спрос на приспособленного к среде, неавтономного потребителя, проявлять инициативу не требовалось. (...) У зрителей и раньше, и теперь вырабатывается условный рефлекс потребителя. Идею, что счастье состоит только в росте потребления, поддерживает в особенности телереклама. Таким-то образом имеющийся потенциал усвоения знаний скорее растрачивается, чем реализуется (...). Результат — безграмотность во владении масс-медиа, неспособность достаточно компетентно осваивать их новые возможности. Намечается грядущий раскол медийного общества на маленькую группу людей, помешанных на компьютерах, учившихся обращению с масс-медиа с самого детства, и на большинство медийно безграмотных, не выучивших в этой области ни аза. (...)

Социальная наука уже заговорила о „синдроме Каспара Хаузера“:[7 - В психологии комплексом Каспара Хаузера (по имени реального лица, жившего ок. 1812–1833 гг.) называют нарушение личности, состоящее в эмоциональной скудости и патологической необщительности, вызванных социальной изоляцией или ослаблением социальных связей.] потребитель видит только то, что видел уже много раз, и узнаёт при этом то, что и так знает. Масс-медиа угадывают каждое его желание по глазам. Но в том-то все и дело. Подобно Каспару Хаузеру, потребитель масс-медиа оказывается под угрозой остановиться в своем развитии, ибо потребляет только то, что легко усваивается и ни к чему не обязывает, что интересно и развлекательно. От него больше ничего не требуется. Его творческие потенции, способность отбирать и критиковать отмирают».

Заядлые телезрители все хуже успевают в школе

Проводившиеся в США на двенадцати — пятнадцатилетних подростках исследования взаимосвязи между потреблением телевидения, школьной успеваемостью и уровнем интеллекта «обнаружили исключительно негативную зависимость выразительности речи, математических способностей и навыков чтения от частоты телепросмотров» 58. Дороти Сингер в 1981 г. констатировала, «что дети, чаще смотрящие телевизор, отстают в речевых навыках от сверстников, смотрящих телевизор реже» 59.

В ходе одного исследования, проведенного в Израиле в 1976 г., у заядлых зрителей детской передачи «Дорога к сокровищам» наблюдалось разительное снижение желания заниматься трудными задачами, если их решение удавалось найти не сразу же, а после сколько-нибудь напряженных усилий⁶⁰. Можно привести множество других данных, которые вновь и вновь говорят о том, что телевидение не способствует школьной успеваемости, а, как правило, влияет на нее негативно.

Не политическая зрелость, а растущая подверженность манипуляциям

Не иначе дело обстоит и с расчетом на то, что благодаря телевидению массы будут лучше понимать политику. Нёлле-Нойман в 1981 г. на основе длительных демоскопических [8 - Демоскопия в социальной психологии — опрос общественного мнения, с помощью небольшой выборки (около 2000 респондентов) отображающий общественное мнение совокупного населения страны.] исследований удалось доказать, что в 1952–1981 гг. интерес к политике у населения вырос с 27 до 50 % (от общего числа опрошенных), но в то же время умение разбираться в текущей политике, осведомленность об именах политиков и датах политических событий остались на уровне 1952 г. Исследовательница делает вывод: «Широко распространенный интерес к политике (может быть, лучше сказать — ангажированность), но малая политическая информированность: это сочетание несет в себе опасность — ведь преобладание общих эмоций и отсутствие знаний означают, что людьми легче манипулировать»⁶¹. С недавних пор, кажется, и сам этот интерес к политике стал уменьшаться. Во всяком случае, исследование молодежного контингента дало недавно такой результат: «Смотреть по телевизору политические передачи подростки не любят — поэтому часто щелкают пультом ДУ, переключаясь с новостных программ на другие»⁶².

Телемания

Данные новейших исследований мы резюмировали здесь лишь вкратце. И все же, наверное, из изложенного уже ясно, сколь иллюзорны были надежды, связывавшиеся с телевидением. Ожидавшийся качественный скачок к неуклонному повышению эмоциональных и когнитивных кондиций народных масс не состоялся, телевидение не смогло обеспечить действительный прогресс в сфере культуры.

Настоятельное предостережение Нейла Постмена⁶³ об угрозе превращения масс-медиа в современный миф оказалось как нельзя более

справедливым, и уже объявлено об «отмене эйфории» (по выражению Опашовски⁶⁴). И в самом деле, в науке распространились более трезвые взгляды. Но они не в силах побудить телевизионщиков хоть как-то изменить подход к наезженным привычкам публики. Гонка за прибылью заставляет их любыми мыслимыми способами приковывать потребителя к экрану, если не повышая, то хотя бы удерживая на прежнем уровне время просмотра. Значит, следует опасаться, что, несмотря на отрезвление науки, в зрительских привычках широких масс ничто существенно не изменится.

Правда, тут нужно сделать одну важную оговорку. Когда статистики говорят о потребителе телевидения, должно быть ясно, что речь идет только о вычисленной математическим путем средней величине, а не о живом человеке из плоти и крови. В действительности пропорции сложны и индивидуальны. Так, наряду с заядлыми телезрителями есть и неактивные, смотрящие телевизор лишь от случая к случаю, и даже люди, в силу своих убеждений никогда не смотрящие телевизор (в настоящее время их едва 3 % от общего числа, но эта тенденция возрастает⁶⁵), — о них статистика, как правило, умалчивает. Да и многочисленные сообщения, бьющие тревогу, надо воспринимать более спокойно, поскольку, конечно же, есть и множество людей, умеющих относиться к телевизору должным образом, а потому не имеющих проблем.

Звучит это обнадеживающе, но ближайшее рассмотрение показывает, что такие надежды тщетны. Ведь из все более многочисленных международных исследований, посвященных поведению телезрителя, ясно одно: тот, кто сознательно ограничивает свое потребление телевидения, целенаправленно выбирая программы и умея самостоятельно обращаться с кнопкой «выкл.», обладает качеством, которого другим как раз недостает: у него выше образовательный уровень! Но он образование получил отнюдь не с телеэкрана, а в местах, где не смотрят телевизор, благодаря занятиям иного рода — посещению школы, чтению книг и газет, музицированию, путешествиям, спорту, хобби и т. п. Лишь такое многообразие совсем других занятий дает ему способность успешно противиться засасывающему водовороту экрана, оставаясь хозяином положения. Стало быть, его умение разбираться в масс-медиа получено не благодаря, а вопреки телевизору.

Тем не менее повсюду в Германии и до сей поры возвещают устаревшую догму — мол, умение разбираться в телевидении можно приобрести только через телевизор. Люди с низким образовательным уровнем (а у заядлых

телезрителей, как правило, и более низкий коэффициент интеллекта^{бб}) с большим удовольствием идут вслед за такими манящими дудками крысоловов, предаваясь опьянению телекадрами и полагая, что процесс просмотра уже сам по себе действует на них образовательно. А что образование требует высокой степени самостоятельности, интеллекта и критических способностей — способностей, которые не получишь, часами торча у телевизора, — им даже в голову не приходит.

Таким-то образом они скоро оказываются в рядах уже не раз исследованной категории заядлых телезрителей, которые чувствуют себя приятно и расслабленно, думают, будто хорошо развлекаются и получают добротную информацию, а в действительности попадают в класс людей загнанных, затравленных, постоянно живущих под гнетом стресса — как бы чего не упустить, как бы посмотреть все — и тем не менее никогда не насыщающихся, а жаждущих новых и новых «хитов» и больше всего на свете страшящихся пустоты, что наступает после выключения телевизора. И даже когда уставшее тело сигнализирует им, что пора бы и прекратить, они не находят в себе сил на это — их воля парализована. Выразимся со всей откровенностью: они обнаруживают все симптомы телемании.

Такие официальные учреждения, как Всемирная организация здравоохранения, уже давно причислили неумеренное потребление телевидения к маниям,^[9 - См. примечание 3.] и надо оглушать себя изрядной порцией самообмана, чтобы не считать эту опасность даже возможной — опасность, в которой всякий в любое время может убедиться путем честного самонаблюдения.

Интерактивное телевидение — спасительный выход?

Миллионы заядлых телезрителей оставляют втуне такие важнейшие человеческие качества, как самостоятельность, автономия личности, свободная активность, социальное партнерство. Как поднять эту целину, как тут помочь? Как разбудить дремлющие волевые, деятельные силы души? Уж конечно, само телевидение тут не поможет. Ведь именно этого оно и не делает. Наоборот, оно, как мы видели, парализует волевые способности. Для того, кто распознал маниакальный потенциал телевидения и осознал его разрушительную силу, очевидно, что манию не вылечить, продолжая употреблять фактор, который ее и вызывает, — это можно сделать, только сознательно отказавшись от него, запретив себе его!

Если бы такой отказ стал массовым, это, разумеется, нанесло бы смертельный удар по индустрии, ворочающей миллиардами. Поэтому только логично, что индустрия масс-медиа внимательно отслеживает названный процесс (иллюзии тают, а вслед за тем падает имидж телевидения). У него уже сейчас наготове подходящий ответ — сейчас, пока осознание проблемы еще не затронуло широкие круги населения. Этот ответ гласит: действительно, телевидение внушает зрителю пассивность. Но причина тому не люди, а техника, которую срочно надо менять. Нужно новое поколение аппаратов, требующих от зрителя собственной, настоящей активности. Нужно интерактивное телевидение — вот новый лозунг.

Идиотскими лозунгами вроде «интеллигентное телевидение — интеллигентному зрителю» нужно будет подбивать клиентуру на покупку дорогостоящей аппаратуры, позволяющей выбирать из предлагаемого набора любой кино- и вообще образный материал, смешивать или изменять его по своему усмотрению и смотреть по личному телевизору такие самостоятельно поставленные программы. А что для управления такой аппаратурой потребуются изрядные технические познания и навыки, имеющиеся в распоряжении только у фанатиков техники, и без того натренированных и привыкших к соответствующей активности, — намеренно обходят молчанием. Вот и здесь вновь выстраивается иллюзия, вскармливается новый миф. Опашов-ски колко замечает по этому поводу: «Медийные концерны почуяли тут миллиардные сделки. Но от бума до бумеранга, может быть, всего один маленький шаг, потому что одни партнеры делают расчеты без участия других. Поколение телезрителей, остававшихся пассивными на протяжении четырех десятилетий, не может вдруг сделаться безгранично интерактивным. Уже приспособившийся зритель „отшатнется“ — он хочет, чтобы его и дальше кормили из рук. Привыкнув к удобному развлекательному тандему кресло — экран, большинство зрителей и в будущем станет пользоваться телевидением главным образом как способом отвлечься, расслабиться и развлечься» 67.

Упражнения в потреблении в детской комнате

И все-таки вполне возможно, что скепсис в отношении телевидения будет расти. Ведь упомянутая утрата иллюзий постепенно проникает из научных кругов в сознание рядовых телезрителей, вызывая уже кое-какие эффекты пробуждения, прежде всего там, где зритель испытывает шок, встречаясь с практическими последствиями собственной кресельно-гедонистской

ментальности. Такое случается, к примеру, когда он поневоле убеждается в том, что увеселение от просмотра рекламы внезапно оборачивается делом отнюдь не веселым, если дети требуют купить те или иные товары, всегда стремятся получить все самое новое и т. д. Многим родителям приходится переживать самый настоящий потребительский террор со стороны собственных детей.

Из соответствующих исследований известно, что в США на рынке рекламы в детских передачах бум начался с начала 90-х годов, когда обнаружилось растущее влияние детей на покупательский спрос родителей. Сорок тысяч рекламных роликов в год, т. е. вдвое больше, чем двадцать лет назад, сегодня адресуются прямо детям⁶⁸, прежде всего в виде клипов, пользующихся все большей популярностью, и в этой сфере действительно складывается прибыльный рынок мировых масштабов.

Согласимся ли мы, чтобы детей коммерчески эксплуатировали начиная с самого нежного возраста, натаскивали их на потребительскую ориентацию, чем злоупотребляют глашатаи новых стилей одежды? В США уже начинают спрашивать себя об этом. Но давление общественного мнения все-таки столь сильно, что законодатель хотя и вышел на сцену, но до радикальных ограничений дело так и не дошло — коммерция оказалась важнее⁶⁹.

Эпидемия ожирения

Многочисленные исследования, проведенные в США на тему влияния рекламных роликов на пищевые привычки детей, остались гласом вопиющего в пустыне. Уже в 1980 г. было отмечено, что в американских программах для детей 80 % рекламы посвящено темам игрушек, кукурузных хлопьев, сладостей, лакомств и ресторанов готового питания. В 1990 г. исследователи обнаружили, что «шесть из десяти рекламных клипов по субботним утрам рекламируют товары, относящиеся к питанию. Большая часть продуктов, которые показывают в них детям, содержит в себе излишне много сахара — это сладкие кукурузные хлопья, пирожные, сласти, сладкие напитки и кексы (...). Эти клипы, как правило, увлекательны, выдержаны в быстром темпе, сделаны с выдумкой, сопровождаются приятной музыкой и проигрышами и разыграны симпатичными актерами. Представление продуктов в них увязано с шутками, позитивными качествами, призами и знаменитостями, вызывающими восхищение»⁷⁰. Но и в ежевечерних игровых фильмах очень многие персонажи едят и пьют⁷¹, правда, это редко бывают регулярные приемы пищи — они, как правило, поглощают лакомства совсем «попутно» — причем точно так же, как и зрители.

Вот с чего предлагают брать пример — и, конечно, не удивительно, что избыточный вес и крайние формы ожирения приобрели в США чуть ли не эпидемический размах, особенно среди детей школьного возраста и молодежи. В 1990 г. исследователи констатировали: 25 % детей и 30 % подростков имели избыточный вес, а крайние формы ожирения за пятнадцать лет стали встречаться на 98 % чаще⁷².

А вот на телеэкранах ожирение вполне логично затушевывается: почти все, кого можно там увидеть, стройны, имеют идеальный вес и являют взору идеальные пропорции фигуры. Они совершенно спокойно поглощают самые калорийные продукты питания, подспудно внушая телезрителю благую весть: «Можешь есть сколько и чего угодно — и не растолстеешь никогда!» При этом, разумеется, никто не говорит ему, что есть сколько угодно, не толстея, может разве что какая-нибудь особа, страдающая истощением. Стало быть, булимия,^{[10 - Булимия — болезнь (встречается прежде всего у женщин), проявляющаяся в маниакальных приступах патологического голода («волчьего аппетита»)].} как в 1990 г. метко сформулировал В. Г. Дитц, выступает как «наиболее широкая форма приспособления к телевизионным о питании»⁷³.

Американские исследователи приложили большие усилия, чтобы показать, что эти послания с телеэкрана фактически влияют на пищевые привычки детей и взрослых. Так, в 1990 г. было выяснено, что между ожирением и потреблением телевидения существует характерная взаимосвязь: «Зрители, смотревшие телевизор более трех часов в день, страдали ожирением вдвое чаще тех, кто смотрел телевизор менее часа в день». Далее, оказалось, что «время, проводимое перед экраном не ожиревшими детьми, позволяло достаточно надежно предсказывать, грозит ли им в более позднем возрасте опасность заболеть ожирением»⁷⁴.

Нэнси Синьорьелли, подробно изучавшая воздействие телевидения на пищевые привычки зрителей, закончила свой отчет словами: «Итак, телевидение и масс-медиа вообще предлагают весьма проблематичные и потенциально опасные сведения о пище и питании. (...) Поэтому нам очень важно осознать все коварство этих сообщений о пище и питании в масс-медиа — особенно если они адресованы детям и подросткам. Если мы хотим жить долго, сохраняя здоровье, нам придется извлечь отсюда урок»⁷⁵.

Сколь бы ни был верен этот призыв к разуму, он не подействует на заядлых телезрителей, ведь они уже безнадежно увязли в заколдованном круге своей мании: тот,

кто много времени отдает телевизору, не может много заниматься спортом и потому легко жиреет; но если он уже ожирел, у него нет желания заниматься спортом, — и вот круг замыкается: он сиднем сидит у телевизора, поглощая калорийные лакомства, которые при таких условиях, как показано в первой главе, усваиваются организмом еще менее, чем при полном безделье.

Когда дети становятся убийцами

22 апреля 1999 г. «Зюддойче цайтунг» замечала по поводу резни в Литлтоне, штат Колорадо (США): «Статистики утверждают, что в среднем за свою жизнь вплоть до поступления в колледж молодой человек мог увидеть в масс-медиа изображения более чем 200 000 преступлений, связанных с насилием, и репортажи о примерно 16 000 убийствах — по телевизору».

Вновь и вновь повторяющиеся в последние годы в прессе подобные сообщения указывают на тенденцию, привлекающую к себе и в Европе все более обеспокоенное внимание по мере приумножения числа телеканалов. Рост показа насилия по телевидению стал темой, не только крайне ожесточенно дебатировавшейся в кругах специалистов, но и превратившейся в предмет оживленных обсуждений и в самих масс-медиа, и в обществе. За всю историю телевидения этой дискуссии не было равных: она оставила далеко позади даже дебаты о рекламных клипах для детей.

Дискуссия о воздействии масс-медиа велась страстно, как никакая другая, но и, как никакая другая, дала неопределенные выводы. В ее ходе, к примеру, ссылались (справедливо, но на деле цинично) на давление коммерции, которое ощущают на себе владельцы телеканалов в ежедневной борьбе за просмотрное время. В этой связи, пишет Удо Михаэль Крюгер, «участившееся обращение к темам насилия и секса как орудие в усиливающейся конкурентной борьбе кажется неизбежным, потому что ее участники стремятся добиться большей дальнбойности, привлекая к своим передачам больше внимания, и таким путем достичь коммерческого успеха. На губительные побочные эффекты для отдельных телезрителей можно не стесняясь закрывать глаза, тем более что доказать прямую причинную зависимость тут попросту невозможно» 76.

Зато другие считали, что показ сцен насилия не принес бы вовсе никакой прибыли, если бы не было зрителей, наслаждающихся ими. И действительно, многие исследователи приводят данные о том, что велико число потребителей телевидения, не только относящихся терпимо к самым крайним проявлениям насилия на экране, но и откровенно смакующих их. Это число, видимо, примерно равно числу тех, кто такими сценами

возмущается. По этому поводу часто задают вопрос: а что вообще понимать под насилием? Для детей, скажем, весьма привлекательно «насилие развлекательного типа» в фантастических фильмах или в комиксах. Может быть, уже это опасно? Или таким путем мы как раз и внушаем детям, что насилие безвредно и ни к чему плохому не ведет?

Совсем уж неразрешимым оказался вопрос, побуждают ли детей и подростков сцены насилия на экране подражать им на практике. Некоторые исследователи годами упрямо держались тезиса, что телевидение, наоборот, прямо-таки устраняет агрессивность, поскольку дает возможность пережить агрессивное влечение не в реальности, а в воображении (теория катарсиса[11 - Катарсис — «очистительное» для души эмоциональное потрясение (такое действие, по Аристотелю, оказывает трагедия).]), или хотя бы сдерживает его, возбуждая страх перед экранным образом (теория сдерживания). Впрочем, нигде как будто бы не найти и окончательного доказательства, что экранное насилие влечет за собой насилие реальное. Даже тезис о том, что, постоянно видя сцены насилия, телезритель мало-помалу примиряется с ним как явлением повседневным, вроде бы опровергается длительными исследованиями.

И все-таки исследователи не могут в конечном счете игнорировать понимание того, что «ни благонамеренная, но преуменьшающая опасность теория катарсиса, ни теория сдерживания не могут считаться достаточно надежными: вредоносные воздействия тут вполне возможны — даже если их причинную обусловленность еще нельзя доказать неопровержимо» 77. Давление общественного мнения возросло, в результате чего в дело вмешался законодатель, владельцы телеканалов оказались под ударом регулярных разоблачений в публикациях о доле показа насилия в отдельных программах и поспешили восполнить урон престижа добровольным самоограничением. Казалось, общество добилось своей цели. Но поскольку до сих пор бесспорным было только, «что сцены насилия могут оказывать негативное воздействие на проблемные группы», а в остальном в науке царит большая неуверенность «относительно того, как и насколько экранное насилие воздействует на эти проблемные группы» 78, то ограничения не могли быть очень уж строгими.

Оказалось невозможным добиться на практике ни торжества правосудия, ни неоспоримых научных доказательств прямой взаимосвязи между показом насилия по телевидению и конкретным насильственным деянием. В результате проблема не снята, а только смягчена.

Между тем жизнь говорит свое. Начиная с 1996 г. цепь убийств, совершаемых школьниками, в американских школах так и не прерывалась, а масштабы боен становились все более устрашающими.

- 2 февраля 1996 г. в штате Вашингтон четырнадцатилетний подросток застрелил учителя и двух школьников.
- 19 февраля 1997 г. на Аляске семнадцатилетний школьник застрелил директора школы и одноклассника.
- 1 октября 1997 г. в штате Миссисипи шестнадцатилетний школьник зарезал свою мать, поехал в школу и застрелил там двух девочек, а семерых других детей тяжело ранил.
- 1 декабря 1997 г. в штате Кентукки четырнадцатилетний школьник на утреннем богослужении застрелил троих одноклассников и ранил пятерых. По его собственному признанию, он воспроизводил сцену из видеофильма.

24 марта 1998 г. в Джонсборо (Арканзас) произошла резня особого рода: двое подростков, одиннадцати и тринадцати лет, надели полевую армейскую форму, вооружились целым арсеналом стрелкового оружия, вбежали на перемене во двор своей школы и открыли беспорядочную стрельбу по школьникам и учителям. После они сами удивлялись тому, что натворили: пятеро погибли, десятеро ранены, некоторые тяжело. Губернатор штата Арканзас возложил вину за это «на культуру, где дети оставлены на произвол десятков тысяч убийств, демонстрируемых по телевидению и в кино» 79.

- 24 апреля 1998 г. в Пенсильвании четырнадцатилетний школьник на школьном бале застрелил учителя и ранил еще троих человек.
- 21 мая 1998 г. в Орегоне пятнадцатилетний подросток застрелил своих родителей, после чего отправился в буфет своей школы и застрелил школьника, а девятнадцать других ранил.
- Самой страшной за последние годы оказалась бойня, учиненная 20 апреля 1999 г. в школе города Литлтона (штат Колорадо) двумя школьниками, семнадцати и восемнадцати лет: они расстреляли двенадцать школьников и учителя, ранили двадцать восемь других ребят, заложили в здание школы больше тридцати бомб, после чего покончили с собой. Как выяснилось позже, это злодеяние они планировали очень долго.
- Неделей позже в Канаде четырнадцатилетний убийца-подражатель стрелял в двух школьников, один из которых умер.

Сообщения о подобных вспышках насилия приходили и из Японии (убийства в Кобе в мае 1997 г., поножовщина среди подростков в марте 1998 г.).

Разумеется, было бы неправильно просто обвинить в этом насилии телевидение и думать, что вот оно все и объяснилось. Есть и совершенно иные серьезные причины насилия в нашем обществе⁸⁰. И тем не менее нельзя пройти мимо одного факта: упомянутые школьники, прежде чем совершить это в действительности, несчетное число раз пережили, глядя на телеэкран, хладнокровную стрельбу по людям как совершенно безобидное и не оставляющее никаких последствий театральное представление. Пусть даже причины их преступлений надо искать в совсем других местах — во всяком случае, для их совершения экран предоставил им все мыслимые импульсы, даже выбор для самоидентификации в виде «крутых» героев, которые так нравятся подросткам.

А те самые взрослые, что с таким ужасом взирают на настоящие убийства, считают нормальными ежедневные убийства на телеэкране и дают детям с младенческого возраста по каплям принимать весть: стрельба по людям — всего лишь шутка и больше ничего. Они полагаются на то, что дети прекрасно умеют отличать фикцию от реальности. А что, если дети не проводят это различие со всей четкостью? Спишем все на «несчастный случай на производстве» и будем продолжать как ни в чем не бывало?

Американский военный психолог Дэйв Гросмен в 1999 г. настоятельно предупреждал общественность, что «показы насилия в масс-медиа и еще более опасные, пропитанные насильем интерактивные видеоигры» запускают у детей и подростков как раз те психические механизмы, с помощью которых профессиональных солдат учат убивать⁸¹. К этому он добавил: «Я почти 25 лет прослужил пехотным офицером и психологом, и задачей моей было — делать людей способными к убийству; в ее выполнении мы и преуспели. Однако способность убивать не возникает сама собой — в ней нет ничего естественного. Этому надо учить. Сегодня мне уже ясно: точно так же, как на военной службе мы кондиционировали^[12 - Психологический термин, означающий «вырабатывать условный рефлекс».] и тренировали людей, чтобы они смогли убивать, — мы совершенно бездумно, слепо допускаем, чтобы такое происходило и с нашими детьми»⁸². В качестве главных условий такого кондиционирования он называет выработку жестокости и бесчувственности.

То и другое показ насилия поощряет в детях с самого нежного возраста. После трагедии в Джонсборо множество европейских и канадских тележурналистов брали интервью у Гросмена. Но, по его собственным словам, «ни один американский телеканал заинтересованности не проявил. Американское телевидение молчит о моей истории. Оно знает, что виновато, и хочет избежать посягательств на свою верховную власть. Сегодня ничто не укроется от рыскающих глаз телекамер — кроме их собственного губительного влияния на детей» 83. Характерно уже одно то, как американская общественность отреагировала на бойни в Джонс-боро в 1998-м и Литлтоне в 1999 г.: президент США Билл Клинтон, правда, допустил, что «средний американский подросток вплоть до восемнадцатилетнего возраста успевает увидеть по телевидению и в кино больше сорока тысяч сцен убийства» 84, но оживленные дебаты, прошедшие в США, крутились по большей части вокруг вопроса, не стоит ли еще больше ограничить доступ к стрелковому оружию.

Тем самым фокус проблемы сместился на принципиальный спор о якобы священном и неотъемлемом праве свободного человека в свободном обществе носить оружие всегда и везде. Правда, для США это и впрямь насущный вопрос, потому что там доступ к оружию имеют даже дети дошкольного возраста. Но что касается упомянутых массовых убийств, речь идет в первую очередь не о том, как оружие оказалось у убийц, а о мотивах, заставивших их совершить эти преступления, и тут уж просто нельзя замалчивать ежедневное экранное насилие, как будто оно здесь совсем ни при чем. Тем не менее политики вплоть до президента поспешили наобещать ужесточение законов об оружии, а вот о преградах ежедневному показу насилия никто всерьез так и не сказал. Что еще для этого должно произойти? Неужто паралич воли зашел так далеко, что нас не вырвать из него даже катастрофам?

3. Как относиться к телевидению по-взрослому?

Полный отказ?

Логика постоянного управления извне такова, что управляемый делается зависимым от управления. Он привыкает приятно развлекаться, не делая при этом ровно ничего, — и если телевидение вдруг по какой-то причине становится недоступным, прямо-таки страдает от его нехватки. В США все большее число людей мало-помалу начинают понимать, что, подобно настоящим маньякам, оказались в зависимости от «наркотика в комнате», как однажды назвала телевизор Мэри Уинн⁸⁵. Они пытаются что-то

изменить, участвуя в регулярно проводимых «tv-turnoff-weeks», [13 - Недель отказа от ТВ (англ.)] но потом нередко со стыдом признают себе, что их зависимость куда выше, чем они думали. Ведь когда временный отказ от телевидения подходит к концу, идея отказаться от него насовсем кажется им невыносимой, даже ужасной. Конечно, можно попытаться сократить время просмотра, больше заниматься спортом и т. д., но в глубине души эти люди по опыту знают, что такие намерения продержатся недолго. Пока телевизор стоит в комнате, он есть и останется искушением — и не успеешь оглянуться, как все идет по-старому.

Что мы можем противопоставить такому искушению? Конечно, есть люди, принимающие радикальное решение и в одночасье изгоняющие телевизор из дому. Насколько мне известно, для тех, кто энергично сделали такой шаг, это возымело только положительные последствия и, по их собственным признаниям, улучшило их жизнь. Но, думается, было бы большой ошибкой на основе такого опыта считать, будто отказ от телевидения сразу осчастливит человечество. Тот, кто этого требует, не понимает, что, вынужденно лишив себя телевизора, взрослые не решат проблемы, а только отодвинут ее. Ведь по простетивии в среднем 20 000 часов просмотрного времени у человека (еще не достигшего совершеннолетия) условный рефлекс инактивности укоренился уже так глубоко, что отказ от телевизора приведет к образованию огромной дыры, ужасающей внутренней пустоты, заполнить которую большинство людей не сможет. Следствием будет глубокая депрессия и страстное желание вновь очутиться в прежнем состоянии.

Стало быть, главная задача — не удерживать людей от общения с телеэкраном, а помочь им шаг за шагом обрести внутреннюю свободу, необходимую, чтобы избавиться от диктата извне, через экран. Каждый может сделать такой шаг, даже не отказываясь от телевизора, — если, конечно, захочет и будет применять описанную ниже тактику маленьких, но осознанных шагов, — тактику, призванную вбить колья в болото пассивности.

Вбить колья в болото пассивности!

Одним из таких шагов может быть возвращение утраченного контроля над своим временем. Правда, люди всегда думают, будто владеют ситуацией, но тому, кто следит за собой, слишком хорошо известно, как редко удается соблюсти срок просмотра, какой он себе назначил. «Ну еще немного посмотрю, а потом — баста!» — говоришь себе, и не успеешь оглянуться, как уже настает вечер, который ты вообще-то собирался потратить на совсем другое. После этого остаешься с набившим оскомину ощущением, что вот и снова пал жертвой собственной слабости.

Так что же делать? Благие намерения не помогут, если прицел взят слишком высоко. Сначала надо ставить перед собой совсем маленькие, скромные, но вполне достижимые цели. Если, скажем, с секундомером в руках будешь время от времени ровно на пять минут выключать телевизор независимо от того, что показывают, ты сможешь убедиться, что у тебя есть сила воли и, значит, ты в состоянии предпринять кое-что потруднее.

Очень полезно какое-то время делать так: прежде чем включить телевизор, надо совершенно спокойно изучить программу передач и сознательно выбрать одну-единственную, очень важную или особенно интересную. Важно не какая это будет передача, а то, что ты заставил себя включить телевизор только перед ее началом и сразу выключить, едва она закончится.

Если позволишь себе «ну еще немножко» — считай, битва уже проиграна.

Если долго держаться этого правила, выбор станет более осознанным, и ты начнешь лучше отличать важное от неважного. Дальше, в решающий момент выключения телевизора, постепенно становишься себе хозяином, и только это дает тебе силу устоять перед притяжением экрана.

А если, скажем, не хочется смотреть что-то конкретное, а хочется просто немного отдохнуть, то все-таки можно вбить кол активности в безбрежное болото экранных картин, заранее заводя будильник и по его звонку немедленно выключая телевизор.

Внимание, а не полусон

Упомянутые упражнения относятся к самостоятельно установленному ограничению времени просмотра, помогают вернуть утраченный контроль над временем. Можно сделать еще один шаг, попробовав что-то противопоставить затягивающему потоку образов прямо во время просмотра. Это «что-то» — повышенное внимание, достигаемое волевым усилием. Чтобы в какой-то степени его удерживать, нужно направлять его на определенную цель. Например, можно задаться целью по окончании передачи мысленно составить список всего, что запомнилось. Детальности тут не требуется — важна попытка дать себе отчет в содержании передачи. Тогда очень скоро начнешь понимать, как это трудно именно при телепросмотре. Но потому-то и стоит продолжать упражнение — ведь при этом все больше осознаешь, сколь сильно телеэкран гасит ясное сознание и собственную активность. Такое осознание и есть важнейший элемент

избавления от его принуждающих чар. Другое, весьма трудное упражнение состоит в следующем. Если с максимальным вниманием проследить телевизионные сообщения об определенном событии, можно сравнить их потом с сообщениями на ту же тему в какой-нибудь из крупных газет, известных высоким качеством своих репортажей. Тогда зритель, вероятно, с удивлением обнаружит, насколько газетная информация насыщеннее телевизионной. И если прежде он, возможно, думал, будто телевизор дает превосходную информацию, то теперь выяснится, что, почитав полчаса газету, можно получить несравненно больше информации и понимания, чем посмотрев полчаса новости по телевизору.

Регулярно делая это упражнение, можно прежде всего прийти к выводу, что телевидению заданы принципиальные ограничения в сообщении о сложных проблемах и событиях. Передать смысловые взаимосвязи через образ намного труднее, чем через слово, а часто и вообще невозможно. Но чтобы из слепой частицы массы сделаться зрелым членом общества, гражданином, безусловно необходимо приобрести подлинное, глубокое понимание сложных хитросплетений, скажем, нашей экономики или международных отношений. В этом может помочь описанное упражнение — ведь оно дает возможность критически отнестись к телевидению и трезво оценить его сильные и слабые стороны. И тогда его «демифологизация» из пустого звука станет реальным достижением.

Создать противовес!

Изложенное здесь может и должно быть лишь побуждением к собственной активности.

Тот, кто по-настоящему будет отвоевывать у экрана свободу выбора, несомненно, отыщет и другие способы взять себя в руки. Разумеется, это не уничтожит физиологического воздействия телеэкрана — на сей счет не нужно обольщаться. Но пронизывающее тело и душу воздействие будет все же значительно ослаблено, если зрителю в условиях полного диктата извне удастся время от времени брать себя в руки, создавать островки свободы и добиваться этого намеренно.

Не менее важной, а по большому счету даже более полезной будет попытка возместить негативное воздействие телевидения, создавая мощные противовесы ему в то время, когда телевизор выключен. Тут имеются в виду долгосрочные меры, способствующие росту собственной активности. В принципе это может быть любая деятельность, которой человек предается, руководствуясь только своим чистым интересом, будь то какое-нибудь хобби, требующее воображения и ловкости, чтение книг, посещение театров и музеев, научная работа или путешествия в экстремальных условиях, работа в экологической организации или укрепление контактов с

людьми на досуге. Главное — чтобы побуждение к такой деятельности шло от нас самих и чтобы она требовала от нас и личного участия, и времени, и сил, благодаря чему у нас может сложиться устойчивый интерес к явлениям природы или культуры, техники или социальной жизни.

Живая деятельность, не остывающая любознательность, заинтересованное участие в происходящем вокруг, стремление достичь поставленных перед собою целей, энергичное развитие своих способностей — вот лучшие гаранты активного, совершенно самостоятельно заполненного досуга. И чем сильнее они задают собственный стиль жизни, тем меньшей будет притягательность телевизора, а отношение к нему — тем более объективным и строго ограниченным рамками самого необходимого, а то и вовсе угаснет, потому что человек к этому времени научится быстрее и эффективнее получать информацию из печатных масс-медиа. Короче говоря, это будет состояние личной свободы, каковое и подобает современному человеку.[14 - Жаль, что тут автора можно понять так: телевидение — это плохо, но если его потребление ограничить, все будет замечательно, потому что все остальное в нашей жизни прекрасно. Правда, он не говорит: «состояние полной личной свободы», так что читателю есть над чем подумать.]

Очень полезно создать противовес убивающей активностью машине — телевизору, занимаясь художественной деятельностью любого вида. Ведь благодаря ей, кроме активного интереса, развиваются два других, в высшей степени важных качества: усиление способности воспринимать мир и укрепление собственных творческих потенциалов. Тот, кто пишет картину или лепит, играет на театре или музицирует (примеры можно множить), работает не просто над объектом, а главным образом над самим собой. Ведь художник становится продуктивным, лишь когда он углубил и расширил возможности своего восприятия сверх обычной меры, когда призвал в себе к жизни способности, которые еще только надо развивать. Благодаря этому личность, выявляясь в человеке, обретает все большую чистоту, но эта личность не что-то готовое, статичное, а нечто постоянно развивающееся, преобразующееся, всегда новое. Человек становится самим собой, лишь если он растет.

4. Дети и телевидение

Дети — не взрослые в миниатюре

Ребенок как неполная и миниатюрная копия взрослого — этот образ, увы, по-прежнему господствует в умах, словно не было работ, скажем, Пиаже и других ученых, занимавшихся возрастной психологией. Даже специалисты, делающие вид, будто разбираются в теме «дети и масс-медиа», нередко, не задумываясь, исходят из предпосылки, что у детей в принципе имеются те же способности и формы мышления, что и у взрослых, но только у первых они еще не развиты до полного проявления, как у вторых. Так, к

примеру, фракция ХДС на заседании ландтага в Дюссельдорфе 14 января 1999 г. в своем заявлении потребовала от земельного правительства, чтобы детей уже в яслях учили «осмысленно, самосознательно, с сознанием ответственности и компетентно относиться к масс-медиа», — это требование было заимствовано из доклада экспертной группы университета Кобленц-Ландау. Неужто малыши могут справиться с тем, что по плечу даже не всякому взрослому?

Откуда идут такие требования, станет ясно, если учесть, что эксперты работали по заказу земельной организации радиовещания Северного Рейна-Вестфалии. Речь явно шла о расширении рынка и подключении новых групп потребителей. Разве в ином случае можно было столь невежественно игнорировать простейшие законы психического развития ребенка?

Самосознательное, ответственное поведение — не начальное, а конечное звено процесса развития, продолжающегося в ходе всего школьного обучения и подходящего к своей кульминации лишь с достижением совершеннолетия. А на начальных стадиях этого процесса перед человеком стоит совсем другая задача, которую ребенок, сам того не зная, должен выполнять и выполняет всеми силами, а именно формирование телесных органов, с чьей помощью он может вступить в мир, воспринимая, переживая и действуя как человек. Ведь для «рожденного недоноском», как назвал человека Адольф Портман, характерно, что тело новорожденного еще не развито до конца и для его окончательного формирования необходимы импульсы, раздражения, идущие к ребенку из внешней среды.

Малыш улавливает эти импульсы всем своим существом — о такой цельности восприятия взрослый не имеет никакого представления. Все, что ребенок воспринимает в первые годы жизни, и все, что он делает, налагает свою печать на его организм вплоть до структуры отдельных органов, потому что он полностью отождествляет себя с тем, что несет ему мир. Все его существо как бы влито в окружающее и представляет собой активную вовлеченность в мир. Можно сказать и так: малыш целиком и полностью являет собой орган восприятия. Его тело формируется под влиянием чувственных впечатлений и деятельности, стимулируемой извне.

Лишь примерно к десятому году жизни в нем освобождаются силы, доселе занятые щепетильным, решающим для всей жизни делом — оформлением органов и мозга, и в определенной мере обращаются вовнутрь. Начинается четкое размежевание мира и человека, возникает внутриспсихическая сфера, обретающая полную самостоятельность в

пубертатном возрасте. Лишь тогда подрастающий человек оказывается в той ситуации дуализма внешнего и внутреннего, «я» и мира, которая взрослому представляется настолько естественной, что он уверен, будто всегда в ней и был. Теперь он в известном смысле оправданно рассматривает чувственные раздражения просто как информацию, к которой можно относиться как угодно и с которой можно обращаться сознательно. Но как раз этого-то и нет в раннем детском возрасте: тут чувственные раздражения обладают телесно-оформляющей силой, сознательно сопротивляться которой попросту бесполезно. Вот почему не может быть и речи о компетентном отношении ребенка к чувственным впечатлениям, а уж об ответственности и подавно. Ответственность за детей полностью ложится на плечи взрослого.

«Окна» в развитии ребенка

В общем и целом фаза оформляющего воздействия чувственных впечатлений на ребенка длится гораздо дольше, нежели полагает большинство. Постепенно сходя на нет, она продолжается до десятого года жизни, а частично — даже до восемнадцатого. Но зато в этот период оформляются и решающие для всей последующей жизни способности — закладываются основы того, что после реально окажется в распоряжении взрослого. Упущенное в эти годы невозможно впоследствии наверстать с той же интенсивностью и глубиной. Поэтому исследователи говорят об «окнах», некоторое время открытых для влияний извне, а потом неуклонно закрывающихся. Вот некоторые из них.

- Первая, решающая стадия развития мозга завершается в трехлетнем возрасте. Если на этом этапе ребенок имел ограниченный доступ ко всему диапазону возможных видов деятельности и опыта, то многие нейрональные связи не образуются, и объем мозга остается на 25–30 % меньшим⁸⁶.
- Ребенок учится стоять прямо, ходить и координировать движения рук в первые четыре года жизни. В промежутке от четырех- до десятилетнего возраста он еще может путем упражнений развить тонкую моторику рук и конечностей вообще; затем эта способность быстро исчезает.
- Опять-таки в первые четыре года жизни при естественных условиях у него развиваются острота зрения и объемно-пространственное зрение.
- А вот тонкая моторика, управляющая глазной мускулатурой и необходимая для целенаправленного сканирования поля зрения, к четырехлетнему возрасту еще далеко не готова. Для полного развития ей, так же как и тонкой моторике рук и конечностей вообще, требуется еще несколько лет. Примерно до девятого года жизни ее эффективность заметно отстает от уровня, свойственного подросткам и взрослым⁸⁷. Согласно же новейшим исследованиям, важные составляющие управления

зрением становятся полностью доступны лишь в восемнадцатилетнем возрасте!⁸⁸

Итак, за первой, закладывающей основы фазой, длящейся до четвертого года жизни, следует длительная фаза вызревания и оформления, длящаяся как минимум до десятого года жизни. От того, насколько успешной будет эта вторая фаза, зависит степень овладения полным диапазоном способностей.

Детское переживание мира и телевидение

В первой фазе своего развития ребенок учится не головой, а всем телом. Он не противопоставляет себя дуалистически миру с помощью мыслящего, регистрирующего и перерабатывающего информацию разума, а вступает в связь с вещами телесно. Он «ухватывает» и «постигает» лишь то, что прежде схватил и настиг руками; он «сопоставляет», лишь научившись стоять и ходить. В этом возрасте весь опыт еще чувственно-конкретен, «осязаем».

Вот почему мы должны осознать всю опасность столкновения малыша лицом к лицу с мнимой реальностью телеэкрана, в пределах которой такой осязаемый опыт, необходимый для его развития, вовсе ему недоступен. Жилище родителей — это конкретное трехмерное пространство, доступное телесному опыту ребенка, который может обегать и облазать все комнаты, всё ощупать и обнюхать, рассматривать и обследовать все уголки. А в пространство телеэкрана малыш войти не может, и из его опыта оно полностью выпадает. Показывают, скажем, пальмы на берегу моря или ночной город с высоты птичьего полета, а в следующее мгновение толпу в магазине или рыбок в аквариуме — и на это время комната расширяется вокруг экрана. Взрослому легче легкого воспринимать два эти пространства по отдельности. Но для малыша-то есть только один мир — мир телесного опыта, и этот опыт отключается на то время, пока включен телевизор.

Баззл правильно показал, что означает для развития мозга такое непосильное требование к ребенку — разорвать на части мир его опыта⁸⁹. Реальность экрана и реальность комнаты не образуют нерасторжимого единства, куда ребенок мог бы включиться телесно-реально, и потому наступает прямо-таки патологическое расщепление процесса восприятия на сферу, где возможна полная активность и мир можно схватить руками, и сферу, где такое хватание невозможно, а следовательно, ее восприятие не участвует в формировании структур мозга.[15 - Кажется, автор тут не

совсем точен: какие-то структуры, несомненно, образуются под этим воздействием, но какие именно, вероятно, еще не выяснено. Можно только предположить, отталкиваясь от мысли автора о неестественности экранных образов для детского восприятия, что и «структуры» эти будут столь же неестественны (и притом неустранимы впредь). В любом случае время, затраченное на такое восприятие, уходит впустую в смысле формирования правильных структур мозга, и потому можно сказать, что оно мешает естественному процессу развития, так что ребенок вырастает психически недоразвитым.] В определенной мере бессмысленная информация бомбардирует глаза, и чем дольше это происходит, тем больший вред наносится развитию ребенка. Об «обучении» при таких обстоятельствах не может быть и речи.

Но и это отнюдь не все: добавим сюда неподвижность, к которой экран принуждает ребенка. Уже одного этого достаточно, чтобы забить тревогу, — ведь все важные в данном случае функции тела и мозга могут развиваться только через движение. Движение — жизненная стихия ребенка. Тот, кто отключает движение, лишает ребенка важнейшего вида его активности. Такое лишение, «обкрадывание» психологи называют депривацией, а в этом возрасте оно вызывает столь тяжкие последствия, что следует характеризовать его как насилие.

Развитие мозга до десятилетнего возраста

Из всего этого можно сделать только один вывод: не может быть и речи о том, чтобы сажать перед телевизором ребенка до четырех лет. Программы могут быть сколь угодно «рассчитанными на детей», и притом с самыми добрыми намерениями, — им все равно не возместить вреда, который наносится ребенку тяжелой депривацией, какую представляет собой процесс зрительного восприятия.

А как обстоит дело со второй фазой развития ребенка — от четырех до десяти лет? Можно ли теперь без опасений подпускать детей к телевизору?

Чтобы получить отправные точки для решения вопроса, читателю будет полезно узнать кое-что о современном состоянии исследований мозга. Нейрофизиолог Буркхарт Фишер пишет об этом так: «Ни одно живое существо не приходит в мир столь неподготовленным, как человек. Хотя некоторые важные функции, предназначенные для выживания, у него уже развиты, но именно нервная система, которая позднее будет так резко отличать взрослого человека от животного, у новорожденного еще

находится в зачаточном состоянии. И пусть генеральный план дальнейшего развития нервной системы генетически уже заложен, человеку все равно почти всему приходится учиться. Поэтому как раз в первые восемнадцать лет жизни (а иногда и до более позднего возраста) правильное и частое обращение к постепенно проявляющимся способностям и их использование столь важны для развития мозга и его невероятных способностей. Это относится и к управлению органами зрения» 90.

Какие процессы важны во время развития мозга, Ханс Юрген Шойрле, физиолог, изучающий органы чувственного восприятия, разъясняет так: «Мозг новорожденного, конечно, уже во многом сформирован, но функционально еще не развит. Почти достигнуто окончательное число нервных клеток. Зато нервные окончания и их физиологические функциональные связи, так называемые синапсы, находятся пока в младенчестве, а развиваются они в течение всей жизни. Рост массы мозга после рождения основан почти исключительно на разрастании этих нервных связей, в значительной мере определяющих окончательный вес мозга.

Сам рост нервов не состоит в простом разрастании, а следует за процессами развития и научения, разворачивающимися в телесной периферии и в окружающем организм мире. Сюда в особенности относятся области зрения и слуха. Все более интенсивные и регулярные процессы научения ведут к росту и организации нервной системы, к формированию новых связей между клетками, воспринимающими чувственные раздражения, и соответствующими областями мозга. Благодаря процессам нейрональной организации функциональные связи между имеющимися нервными сетями активируются легче (так называемая „трассировка“). Одновременно возникают сильно дифференцированные разветвления, причем многие нервы либо объединяются в совместные нервные пути (конвергенция), либо, наоборот, отдельный нервный пучок разветвляется на множество нервных путей (дивергенция) и тем самым может выполнять более дифференцированные функции».

Стало быть, человеческая деятельность непосредственно выражается в образовании новых нервных разветвлений, укореняясь тем самым в структурах мозга в качестве способностей. Такая изумительная «пластичность» мозга, конечно, никогда не утрачивается полностью, но есть фазы структурообразования, которые трудно наверстать, если они

были пропущены: «В раннем возрасте мозг от природы более пластичен, чем позднее, хотя его пластичность сохраняется в течение всей жизни и нервные связи в принципе еще могут изменяться в любом возрасте. И все же переучивать и переформировывать мозг труднее, чем обучать с самого начала (...). Пока нейрональные трассы не сложились, их гораздо легче сформировать, чем когда они „отвердели“, постоянно отвечая на определенные импульсы».

Шойрле приходит к логичному выводу: «При нормальном ходе развития чувственного восприятия отдельные способности надстраиваются друг над другом. Соответственно часто бывает невозможно наверстать пропущенные фазы формирования определенных жизненно важных функций чувственного восприятия» 91.

Телевизор — аппарат для выключения детей?

Для нас отсюда следует вывод: даже вторая фаза, длящаяся до десятилетнего возраста, по-прежнему слишком чувствительна, чтобы позволять детям бесконтрольно пользоваться телевизором. В этом возрасте они еще полностью зависят от ничем не заменимого многообразия чувственных раздражений, исходящих от естественной среды, и нуждаются в огромном количестве поводов для применения всего богатства своей фантазии в свободной, спонтанной игре, чтобы как можно полнее раскрыть свои душевные и умственные способности. И не в последнюю очередь им нужны все мыслимые возможности для формирования тонкой моторики, осязания, чувства равновесия, двигательного чувства, координации движений конечностей, которые только и могут довести их телесное развитие до здоровой зрелости.

Нынешние условия жизни — тесные жилища, плотные потоки транспорта в городах, долгое сидение в машине — настолько ограничивают игровое пространство для большинства детей, что и без телевидения возникает серьезный дефицит движения. А уж если к этому еще приложат руку взрослые, неумолимо прерывая всякую живую игру малыша и на неограниченное время усаживая его перед телевизором, только чтобы избавиться от тягостных и шумных перипетий детского роста, то развитие ребенка принимает роковой оборот. В угоду собственному комфорту взрослые лишают детей радости движения, а такая блокада движения со временем оборачивается серьезной блокадой развития, о печальных последствиях которой можно прочесть в научных отчетах. Известные американские исследователи Дороти и Джером Сингер десятилетиями изучали воздействие телевидения на детей, и каждый раз, за редкими исключениями, были вынуждены констатировать, что телевидение

негативно сказывается на способности к игре, на школьной успеваемости, чтении и развитии речи. Они пишут: «Фактически наши исследования четко показали, что дети, часто пользующиеся телевизором, подвержены серьезному риску остаться без глубоких знаний о мире; они хуже умеют читать, хуже отличают реальное от вымысла; у них хуже развито воображение; они с большим страхом воспринимают мир; им свойственна повышенная тревожность сознания в сочетании с большей агрессивностью. Все это приводит к тому, что, когда ребенок идет в школу, он меньше приспособлен к жизни» 92.

Дети смотрят совсем иначе

Негоже «парковать» детей перед телевизором, бросая их там на произвол судьбы. Кто хочет действовать с полной ответственностью, должен четко определить, надо ли его ребенку вообще смотреть телевизор, и если да, то в каких пределах. Решение не допускать ребенка к телевизору, пока он не пойдет в школу, требует мужества, но будет полностью обоснованным с точки зрения современных исследований по физиологии и психологии детского возраста. Разумеется, при этом надо учитывать вещи, которые будут обсуждаться ниже.

А тот, кто решит позволить своему ребенку смотреть телевизор в определенных границах, окажется перед вопросом выбора программ. Но он не сможет выбрать со знанием дела, если сначала не поймет, насколько детское восприятие и его возможности отличаются от восприятия взрослых. Иначе он будет считать ребенка своим собственным несовершеннолетним миниатюрным изданием, игнорируя особые условия, в которых растут дети. Вот некоторые соображения по поводу проблем, с которыми сталкиваются дети, когда смотрят телевизор.

Казалось бы, что может быть понятнее — и все же приходится говорить об этом снова и снова: хотя на второй возрастной стадии воздействие телеэкрана уже не так серьезно, как в первые три-четыре года жизни, чувства ребенка и тут сильно подвержены всем воздействиям извне, хорошим и плохим. Дети еще не умеют критически перепроверять идущую к ним информацию, не умеют и не хотят дистанцироваться от того, что предлагает им мир, — напротив, им важна живая связь с ним. Абстракции, столь естественные для взрослых, детей не волнуют; они принимают все таким, каким оно приходит.

В естественных условиях такое радостное устремление к чувственному миру — сильная сторона детей, но перед телевизором оно становится их ахиллесовой пятой. Ведь тут им предъявляются такие требования, которые этим «визуально неграмотным», как называет детей Ута Бенц, пока вообще не по плечу: «Наивность зрительного восприятия, неспособность выразить словами визуальные впечатления, отсутствие собственных слов для описания образа и неспособность заглянуть в его подоплеку, чтобы уловить связь чужого замысла и предполагаемого отклика на него», — все это загоняет их в ситуацию бессилия и зависимости, которая для их развития может быть только вредоносной⁹³.

Поэтому взрослый обязан понимать: даже на второй фазе своего развития дети еще долго считают все увиденное действительным, настоящим, не умея отличать фикцию от реальности⁹⁴. Скажем, до пяти — семилетнего возраста реклама для них столь же «реальна», как и программа, в которую она вставлена; способность понимать выраженный рекламой замысел появляется у них лишь в восемь — двенадцать лет⁹⁵. Впрочем, им еще долго остаются недоступны общий сюжет и ход действия в фильмах — они вообще не понимают взаимосвязей различных сцен и просто ухватывают один образ за другим⁹⁶.

«Предлагаемая телевидением информация, — замечают Хельга Тойнерт и Бернд Шорб, — не способствует расширению их кругозора. Наоборот, она, как правило, контрпродуктивна, потому что чересчур сложна, чересчур разительна или чересчур банальна. Новости большинству детей непонятны или же пугают их» ⁹⁷. Показ реального насилия и его жертв во всех подробностях тоже угнетает детей, возбуждая у них страх и отвращение. «Эти картины пылают в их сознании и преследуют их даже во сне» ⁹⁸.

Не оставляйте детей один на один с телевизором!

Значит, взрослые вообще не должны включать детям программы, которые, как они подозревают, превышают возможности детского восприятия, — надо выбирать более подходящие для детей программы. Но в любом случае им следует понимать, что их долг — быть рядом с малышами во время просмотра, даже если речь идет об исключительно «детских» передачах, казалось бы полностью доступных детям. Ребенку почти постоянно хочется задавать вопросы или делать замечания, которыми ему надо поделиться со взрослым, а для этого нужно сделать так, чтобы образы не подавляли его, а, наоборот, чтобы он мог овладеть ими и осмысленно переработать все увиденное. Кроме того, действуя таким образом, взрослый может поощрять в детях осознанность просмотра (и процесса зрительного восприятия вообще) — а это-то и есть главное условие, чтобы из ребенка не вырос тупоумный «глотатель» всего, что покажут.

В своем масштабном исследовании (см. примеч. 97) Тойнерт и Шорб показали, сколь важно, чтобы взрослые присутствовали на просмотре и вообще внимательно относились к способности ребенка понимать передачи, особенно информационные. Они пишут: «Как разные дети воспринимают, оценивают и перерабатывают телевизионную информацию, в решающей степени зависит от семейной интеллектуальной атмосферы и внимания, уделяемого обсуждению информации. (...) В краткой форме это можно выразить так: способ, каким родители видят мир, судят о нем и относятся к нему, отражается на детском отношении к миру, образе человека и способности перерабатывать информацию. Предлагаемую телевидением информацию, которую смотрят и оценивают родители, смотрят и дети. Какое значение придают ее просмотру родители в своем отношении к миру и жизни, такое же значение она будет иметь и для детей» 99.

Тяжкие последствия повлек бы за собой вывод, что если ребенок опирается на отношение взрослого к вещам, то сможет научиться разбираться в масс-медиа, только справляясь со своим восприятием самостоятельно. Верно обратное: поначалу ребенок, как и всякий, кто учится, нуждается в ориентации на взрослых, и чем больше образцов объективной осведомленности, широты взглядов и множественности точек зрения родители могут предложить ему, тем лучше для ребенка. Ведь «видеть», когда «смотришь», — целое искусство, и для начала нужно им овладеть.

С другой стороны, присутствие взрослого не должно означать для детей разрешения сидеть у телевизора сколько угодно — до полуночи или даже дольше. Авторитет взрослого проявляется и в том, что, основываясь на понимании закономерностей детского развития, он ограничивает просмотр четкими пределами и не уступает никаким протестам.

Впрочем, взрослый должен быть достаточно самокритичным, чтобы понять: его желанию общаться с ребенком во время просмотра тоже положены пределы. Ведь, как правило, он не знает содержания идущей передачи и порой сам так увлекается стремительным потоком образов, что ему просто некогда объяснять ребенку те или иные связи, — ведь иначе он не поспеет за ходом передачи и потеряет нить действия. И даже если он приступает к делу с наилучшими намерениями, вскоре оказывается, что объяснять происходящее на экране ему слишком трудно, и ребенок все равно остается в одиночестве, хотя взрослый и сидит рядом. Тут может помочь разве что основательный разбор увиденного — и после выключения телевизора он будет гораздо более осмысленным.

Оценка приоритетов

Давать ли детям смотреть телевизор — дело свободного выбора и ответственности родителей. Нижеследующее адресовано прежде всего родителям или воспитателям, которые решили давать ребенку смотреть телевизор. Они берут на себя большую ответственность. Ведь телевизор, как показано в предыдущих главах, — аппарат небезобидный: он способен глубоко повлиять на развитие ребенка, а при бесконтрольном пользовании — принести ему большой вред. Самая серьезная опасность заключается в том, что в своих решениях взрослый всегда обращает внимание лишь на содержание программ, а не на много более важные подпороговые воздействия, начинающиеся, как только взгляд ребенка падает на телеэкран. Поэтому целесообразно еще раз назвать здесь факторы, действующие при телепросмотре:

- 1) содержание и жанр передачи (скажем, информационная программа, художественный фильм, мультфильм и т. д.);
- 2) зависимость от камеры зрительского взгляда, воспринимающего все спецэффекты (наплыв, монтаж, смена кадра, смена перспективы и т. д.);
- 3) различные физиологические воздействия экрана, независимые от особенностей программы и связанные с физической неподвижностью зрителя.

Фактор 1 осознается всеми телезрителями и, как правило, привлекает их внимание, а часто кажется даже единственным определяющим фактором («обсуждение программ»).

Фактор 2, как правило, ускользает от сознательного восприятия или, во всяком случае, ощущается очень смутно, если, к примеру, сцены сменяются слишком часто или внезапно. Зритель вообще не замечает глубокого воздействия этих средств на свою эмоциональную сферу, свои симпатии и антипатии, настроения и оценки.

Наиболее глубоким воздействием обладает фактор 3 — он сказывается на обмене веществ и нервных процессах человеческого организма, протекающих ниже порога осознаваемости, т. е. на бессознательном уровне. Здесь закладывается то, что проявляется много позже, когда физиологические воздействия уже приводят к устойчивым изменениям.

Этот третий фактор, до сих пор меньше всего беспокоивший взрослых, для ребенка имеет решающее значение. Ведь «окна» его телесно-

физиологического развития распахнуты еще так широко, что телеэкран воздействует на него до самых глубин и это воздействие оказывается необратимым. Стало быть, решая вопрос, что можно позволить смотреть ребенку в конкретном случае, этому фактору следует уделять особое внимание.

Иными словами, даже если по какому-то каналу идут исключительно безобидные детские передачи, свободные от насилия и рекламы, это еще далеко не оправдывает разрешения смотреть телевизор сколько угодно. Ведь чем больше время просмотра, тем сильнее воздействие 2-го и 3-го факторов, столь негативное, что допускать его нельзя ни в коем случае.

Ограничивать время просмотра, побуждать ребенка к активности!

Поэтому не меньшую важность, чем выбор программ, имеет для взрослого сознательное ограничение времени просмотра, соотнесенное с конкретной стадией развития ребенка. Можно с уверенностью утверждать, что обычное нынче для шести — восьмилетних детей просмотрное время, составляющее двадцать-тридцать часов в неделю, а то и больше 100, слишком велико. В остальном воспитатель должен стараться предоставлять ребенку как можно больше места и времени для творческих игр, для получения живого чувственного опыта и энергичной активности. И раз при нынешних условиях сами дети часто не знают, как проявить себя на этом поприще, взрослым надо поднапрячься и тут, чтобы дать им подходящие импульсы. Окупится любое, даже самое малое усилие в этой области — можно даже сказать, не будет большего вложения в последующую жизнь ребенка, чем ежедневное чтение ему вслух или собственные рассказы, заменяющие информацию масс-медиа; хорошо попеть вместе с ним, вовлечь его в ежедневную домашнюю работу, поиграть с ним в подвижные игры или приохотить к различным поделкам, чтобы спустя какое-то время он мог продолжать самостоятельно.

Правда, взрослый должен правильно понимать свою задачу — не стоит в избытке рвения незаметно брать на себя роль «массовика», развлекателя, пытающегося веселить ребенка непрерывными затеями. Такая суэта была бы попросту «телетеатром одного актера» и отнюдь не поощряла бы в ребенке активности. Ведь главное — разбудить в нем естественную тягу к деятельности и направить ее в разумное русло. Это требует от взрослого не столько большого расхода времени, сколько воображения и способности сопереживать. И если ребенок пойдет таким путем, он и сам отлично сумеет себя занять.

Поощрять творчество образов!

Невозможно переоценить, насколько велика ответственность взрослых за строгое ограничение просмотрного времени. Еще один довод в пользу этого предоставляют результаты новейших исследований, проведенных американскими специалистами в области физиологии головного мозга:

измеряя активность мозга у «tv-kids»,[16 - «Теледетей» (англ.), т. е. детей, «выращенных телевизором».] они констатировали, что чрезмерное потребление телевидения ведет к опустошительным для мозга последствиям: «У детей, проводящих перед телевизором ежедневно по десять-пятнадцать часов, кора головного мозга подобна пустыне», — резюмирует в сообщении для прессы специалист по физиологии органов чувств Хорст Прен¹⁰¹ и продолжает: «Они страдают полной потерей способности воображения». Некоторые дети даже не в состоянии нарисовать по памяти бытовые предметы, скажем чашку. Этот разительный пример показывает, что поставлено на карту: способность творить образы — сознательно порождаемые или свободные образы фантазии — подавляется тем сильнее, чем больше ребенок смотрит телевизор, и со временем утрата этой способности становится необратимой. Телевизионные образы откровенно обстреливают извне способность фантазии и творческого воображения (это связано с описанным выше оцепенением взгляда), растущих изнутри и пробуждаемых лишь собственной активностью.

Способность творческого порождения образов во многом поддерживается свободной игрой. Поэтому не удивительно, что, завершая длинную серию исследований игры и фантазии у трех-, четырехлетних детей, Дороти Сингер приходит к выводу: «Сравнивая данные по игровому поведению и потреблению телевидения, мы констатировали, что фантазия лучше развита у тех, кто меньше смотрит телевизор» ¹⁰².

Важно, однако, понимать, что, читая детям вслух или рассказывая, взрослые опять-таки постоянно побуждают ребенка самостоятельно творить образы, не имеющие себе равных по глубине и силе чувства. Здесь закладываются основы не только для умения читать, но и для всех форм мышления и представления, которые должны быть усвоены ребенком в школе. А, как нам уже известно, заядлые телезрители среди детей успевают в школе гораздо хуже, чем неактивные.

Имеет ли реальный смысл детство без телевизора?

Родители, желающие совсем отлучить детей от телевизора, часто мучаются сомнением: не превратят ли они их тем самым в оторванных от жизни нелюдимов, не закроют ли им непрошено дорогу в жизнь? Боятся они и социальной изоляции ребенка — ведь он не сможет участвовать в разговорах товарищей о последних телевизионных новинках. Может, тогда уж все-таки лучше, чтобы ребенок смотрел телевизор?

На этот счет можно сказать многое. И в первую очередь следующее: родителям, которых мучит сомнение, правильно ли они поступают, следует

знать, что их колебания неизбежно скажутся на ребенке, даже если они стараются держать их в строгом секрете. Дети столь чувствительны, что по тончайшим нюансам поведения родителей чувствуют, что у них на душе, а уж когда улавливают большую родительскую неуверенность, может быть даже подспудный страх, это сильно подрывает их веру в себя, а тогда им и впрямь приходится туго.

Но если родители совершенно уверены в своем решении, принятом на основе изложенных здесь сведений о воздействии телевидения на детей, с одной стороны, и понимания закономерностей детского развития — с другой, это даст ребенку необходимую выдержку и мужество, чтобы справляться с возможными трудными ситуациями в кругу товарищей. Сильными личностями становятся не те, кто трусливо поддакивает господствующей моде, а те, кто мужественно держится своей, не совпадающей с модой позиции.

Правда, не стоит и слепо полагаться на то, что уже одно отлучение от телевизора направит ребенка на путь истинный. Вера родителей, что ребенок сможет отстоять свою самостоятельность, будет оправдана лишь в том случае, если они действительно сделали все возможное, чтобы помочь ему полностью развить телесные, душевные и умственные способности, — т. е. обеспечили ему возможность накапливать богатый, многосторонний чувственный опыт, двигаться всеми доступными способами, поощряли его музыкально-художественные занятия и творческие игры, развивали его речь, знакомили с природой и т. д. Только это снабдит маленького человека необходимыми внутренними противовесами, о которых подробнее сказано выше, и вооружит его запасом собственной активности, дающей силу перед лицом жизни. Даже если он что-то и упустит в образовании или информации, то позже сможет в кратчайшие сроки наверстать упущенное, а уж заядлых телезрителей обгонит мигом.

Впрочем, ребенок, отказавшийся от телевизора, не потеряет вообще ничего существенного, кроме впустую растроченного времени, которое куда полезнее проводить в активных занятиях. Ни одна телепередача не предлагает элементов образования и знаний, которые нельзя приобрести (и часто в много более удачном виде) через печатные издания или другим путем. Поэтому родительские опасения насчет оторванности от жизни необоснованны. Уж скорее, в какой-то степени оторванными от жизни окажутся родители, истово следящие за тем, чтобы у ребенка не было ни

малейшего контакта с телевизором. Если им удалось в достаточной мере сформировать у него вышеназванные качества творческого воображения и внутренней активности, они могут с известным спокойствием смотреть, как ребенок от случая к случаю ненадолго включает телевизор. Внутренне закаленному ребенку такие контакты уже не повредят, особенно если взрослые умело их дозируют.

В том, что родители вместе с ребенком будут сознательно выбирать конкретные поводы немного посмотреть телевизор, есть даже определенные преимущества. Ведь это отнимет у аппарата ореол запретного плода, рано или поздно способный соблазнить ребенка смотреть телевизор тайком от родителей, но уж тогда помногу и бесконтрольно. Совершенно хладнокровное, естественно-трезвое обращение с телевизором благотворно остудит для ребенка тему телепросмотров и одновременно подготовит его ответственно относиться к ней, что так или иначе необходимо ему в дальнейшей, взрослой жизни.

В переходном возрасте

Примерно на десятом году жизни важнейшие «окна», т. е. возможности развития, закрываются, и вся ситуация для ребенка коренным образом меняется. Доселе он был соединен с миром такой глубинной связью, был так сплетен со всем окружающим своими эмоциями и желаниями, что противоположность внешнего и внутреннего была ему фактически неведома. Лишь с наступающей половой зрелостью, примерно между десятью и двенадцатью годами, психика окончательно высвобождается из наивной спаянности с миром, превращается в сугубо внутреннюю сферу, и человек начинает отождествлять себя с ней, а мир вовне воспринимать как нечто чуждое, внешнее, противостоящее собственному «я».

Возникновение дуализма сфер внешнего и внутреннего часто сопровождается драматичными, пугающими родителей явлениями, поскольку подросток проводит размежевание между собой и окружающим весьма радикально, решительно сопротивляясь любым попыткам родителей или воспитателей проникнуть в свой внутренний мир. Но в то же время он переживает и одиночество изолированного от мира «я». Поэтому вполне естественно, что в этом возрасте нередко возникает сильная тяга к масс-медиа — своего рода подзорной трубе, сквозь которую можно с расстояния заглянуть в далекий мир, не поступаясь изолированностью своей глубоко личной сферы.

Если до сих пор выбор подходящих программ и ограничение времени просмотра были задачей родителей, то теперь пора готовить подростка к такому обращению с телевизором, при котором он отвечает за себя сам. Такая подготовка состоит отнюдь не в том, чтобы родители в одночасье

отказались от педагогической ответственности, полагая, будто им больше нечего беспокоиться за своего отпрыска. Как раз в переходном возрасте важно внимательно сопровождать его на пути взросления, хорошо рассчитанными мерами помогая ему идти к самостоятельности. Лучшая отправная точка здесь — пробуждающиеся в этом возрасте критическая способность и желание критиковать всё и вся, которые надо лишь направить на подходящие объекты, чтобы дать им возможность потренироваться. Скажем, просматривая вместе с подростком по телевизору новости или художественные фильмы, можно разбирать вместе с ним трюки, применяемые телережиссерами для создания определенных эффектов вставной рекламы, рассчитанных на подпороговые эмоции, или действие, какое оказывают на зрителя операторская работа и техника монтажа, и т. п. Чем больше такого рода наблюдений сможет подсказать взрослый, тем лучше подросток поймет, как надо смотреть, — а это важнейшее условие подлинного умения разбираться в масс-медиа.

Если подросток все-таки успел окружить себя стеной пубертатной оппозиционности, то к нему уже не подступиться, диалог со взрослыми прерывается. Поэтому важно заблаговременно, т. е. пока противоречия еще не обострились до предела, сделать явный поворот на сто восемьдесят градусов во всем стиле общения, имея в виду, что подростка не следует опекать в отношении телевидения, а надо путем разумных соглашений подталкивать его к все более ясному пониманию своей ответственности за себя. Подросток, возможно, будет весьма огорошен этим новым стилем, и в разрядившейся ситуации уже нетрудно вложить в руки «младшего партнера» и кое-какие орудия, с помощью которых он сам придет и к критическому настрою, и к компетентности.

Лишь в пятнадцати-, шестнадцатилетнем возрасте критическая способность разовьется настолько, что юноша или девушка сможет дорасти до самостоятельного отношения к масс-медиа, основанного на ответственности за себя. Хотя, разумеется, не стоит ожидать, что тогда он (или она) поведет себя совершенно рационально или «благоразумно» в родительском понимании этих слов: подростки ищут экстремальных переживаний, и очень может быть, что какое-то время они будут неумеренно глотать телепередачи вопреки благоразумию и всем увещаниям. Но это не должно стать для родителей поводом считать себя несостоятельными воспитателями. Если детство человека было насыщено игрой и движением, музыкой и фантазией, внутренними образами и живыми

впечатлениями, родители могут положиться на то, что их сын или дочь найдут собственный путь. В конце концов, пятнадцать лет — далеко не последняя стадия развития!

5. Безъязыкое детство. Что губит и что спасает речь в век масс-медиа **Новый массовый феномен — функциональная неграмотность**

Нынешнее индустриальное общество с его мировыми экономическими связями и сложными структурами, находящимися в состоянии непрерывной трансформации, делает ставку на людей, доросших до его новых требований, делает ставку на рост и прогресс. Тем не менее оно все чаще сталкивается с явлениями упадка культуры, которые никак не желают вписываться в картину неудержимого поступательного движения человечества. Складывается сбивающая с толку, противоречивая ситуация: с одной стороны, медийная и компьютерная техника идут вперед такими огромными шагами, что поговаривают уже о начале новой, постиндустриальной эпохи, когда основным сырьем будет уже не уголь, сталь и нефть, а информация. Дескать, уже возникает новая форма общества — открытое информационное общество, где у всякого будет свободный доступ ко всем банкам данных в мире, а значит, и ко всем знаниям, накопленным человечеством. Но не успело еще это общество сделать первые шаги, как оказалось, что подорван самый фундамент, на котором оно по идее должно бы стоять.

Выяснилось, что начиная с 80-х годов все больше людей утрачивают способность воспринимать письменную информацию вообще, не говоря о том, чтобы осмысливать ее и пользоваться ею. И происходит это не в каких-нибудь странах третьего мира, а в высокоразвитых индустриальных странах, которые будто бы ближе других подошли к «информационному обществу». И вот именно там неудержимо распространяется новая форма неграмотности — чаще всего ее называют функциональной неграмотностью, или «постаналфавитностью», поскольку речь идет о людях, так и не овладевших чтением и письмом, хотя они учились в школе, или разучившихся это делать, закончив ее.

Каких масштабов достигло это явление, стало ясно только в 1984 г., когда в США был опубликован отчет Комиссии по грамотности, согласно которому доля функционально неграмотных составила 10 % от численности всего населения, или 23 миллиона человек. Далее, в категорию «алитератов» были зачислены сенсационные 44 % населения США — это люди, которые

читать умеют, но не читают или читают лишь под давлением обстоятельств¹⁰³.

Что эта тенденция не обошла стороной и Германию, выяснилось уже в конце 70-х, когда после нефтяного кризиса на Рейне и в Руре дело дошло до массовых увольнений и на улице внезапно оказались тысячи неквалифицированных рабочих. Тогда службам занятости пришлось констатировать, что этих людей нельзя ни обучить, ни переучить, потому что они не умеют читать и писать. И сегодня год за годом десятки тысяч молодых людей покидают школы без аттестата. Поэтому не удивительно, что в Федеративной Республике число функционально неграмотных составляет четыре миллиона человек, т. е. 15 % населения в возрасте старше пятнадцати лет¹⁰⁴. Некоторые исследователи даже подозревают, что при более точном подсчете цифры могут оказаться еще выше. Как бы то ни было, тенденция эта только усиливается.

В 1994 г. американский литературовед Барри Сандерс опубликовал книгу «A is for Oх».[¹⁷ - По-русски это название могло бы звучать примерно так: «Заяц пишется через Е».] Ее главная тема — катастрофические социальные и культурные последствия «постаналфавитности», основная причиной которой, по его мнению, — растущее потребление электронных масс-медиа, и прежде всего телевидения. «Почти семьдесят миллионов американцев, — констатировал он, — не в состоянии расшифровать предупреждение на этикетках лекарственных препаратов или пробиться сквозь газетную статью. Большинство из них — отнюдь не черные, мексиканцы или иммигранты. Это белые, коренные жители страны» ¹⁰⁵. Семьдесят миллионов! Тогда это составляло 28 % населения США!

Разрыв в уровне знаний растет

В Европе эта тема вызвала кое-какое волнение, после того как в 1995 г. заключение Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР) подтвердило упомянутые опасения. В нем говорится, что именно в богатейших странах планеты более 20 % населения владеют весьма ограниченным умением писать и считать¹⁰⁶. Неслыханный резонанс вызвало в этой связи обстоятельство, что 1996 г. был назван «Европейским годом образования и повышения квалификации».

Исследование, проведенное под эгидой Международной Ассоциации по оценке школьной успеваемости (МШУ) в 1995 г., выявило, что в Германии в среднем 15 % восьмиклассников понимают прочитанный текст на уровне

третьеклассников¹⁰⁷. Прежде всего, как установили исследователи, читается все меньше книг; во всех обследованных группах умение читать непрерывно ухудшалось начиная с 1980 г.

В том же 1995 г. немецкий «Фонд чтения» опубликовал итоги сравнительных исследований, проведенных в шестнадцати индустриальных странах. Несмотря на региональные различия, повсюду зафиксирована тенденция к так называемой «формуле одной трети»: по одной трети населения относятся или к любителям чтения, или к читающим от случая к случаю, или к не читающим вообще никогда¹⁰⁸.

Значит, надо исходить из того, что «процесс отхода (в среднем) доброй трети населения от чтения — обычное явление в странах ОЭСР», пишет Гельмут ван дер Лар¹⁰⁹. Стало быть, об обещанных равных шансах для всех не может быть и речи. Скорее, вырисовывается перспектива двухклассового общества, где будут, с одной стороны, интеллектуально нищие, опускающиеся все ниже по социальной лестнице, а с другой — класс привилегированных, располагающих «ключевой квалификацией — умением читать»,^[18 - Выражение из названия процитированной автором выше книги Г. ван дер Лара. Сомнительно, чтобы эта тенденция что-то означала по крайней мере для нашей страны: политическая и экономическая «элита», с одной стороны, и культурная элита — с другой в ней резко разделены, причем последняя оттеснена на социальную периферию, а первая отнюдь не демонстрирует признаков образования (не говоря уже — культуры).] а тем самым — доступом к образованию и знанию, к умению обращаться с масс-медиа, к профессиональной карьере. Между теми и другими будет расти разрыв, уже давно обсуждаемый в исследованиях на темы телевидения под рубрикой «растущий разрыв в знаниях» («increasing knowledge gap»)¹¹⁰.

По всей видимости, опирающееся на масс-медиа информационное общество своими руками подрывает фундамент, на котором хотело бы строиться. Достигнутый прогресс будет сведен на нет вызванным им же самим регрессом.

Речь немеет

Едва до внимания общественности успела дойти проблема растущей неграмотности, как уже обнаружилась дальнейшая, доселе немислимая деградация орудия культуры человечества: вслед за утратой большой

частью населения письменного языка постепенно утрачивается и владение речью. Как ни жутко это звучит, но язык немеет...

«Дома ли, за обеденным столом, в дороге ли, в автомашине, — в немецких семьях или в том, что от них осталось, хранят упорное молчание.

Употребляют разве что функциональные инструкции: „Не возвращайся так поздно!“, „Брось это!“, „Поторопись!“ Бинарные ответы малышей: Да. Нет. Да. — Конец диалога. (...)

Человек усваивает язык в первую очередь от родителей. Но нынешние родители слишком заняты, они и сами пользуются речью нечасто, а нередко им и сказать-то друг другу нечего.

„Мои старики каждый вечер торчат перед ящиком. Он хлещет пиво, она хрупает соленые палочки“. Тот, кто уже с младенчества оказался избалован и обездвижен нянькой-телевизором, будет молчать и взрослея. Так что ж, значит, масс-медиа все больше затыкают нам рот, растянут поколение немых зомби?

Где бы молодые люди ни развлекались, они обречены на молчание — в кино, на концертах под открытым небом, на дискотеке, за просмотром видеофильмов, перед телевизором или компьютером. Их оглушают до бессознательного состояния, им внушают всякую всячину, но вот сказать что-нибудь самим — этого им нельзя, этого они не смеют» 111.

Так Иоахим Кучке описал новую ситуацию в 1993 г. О сходном положении дел говорит и Конрад Адам («Франкфуртер альгемайне цайтунг». 1993.18 июня):

«Уже некоторое время одна пожилая учительница начинает уроки для первоклашек со странного упражнения. Она велит шестилетним ученикам встать, подойти к окну, открыть его, снова закрыть, вернуться на место и в немногих ясных словах рассказать, что они сделали. Когда некоторые родители удивленно и с легким упреком осведомились о смысле этого упражнения, учительница сослалась на новые, необычные исследования: дети с большим трудом понимают инструкции, выполняют их и дают отчет о сделанном. Тому, кто вырос в еще здоровых, т. е. теперь уже нетипичных условиях, невозможно и представить себе, что в огромном количестве нынешних семей днями и неделями не произносится ни слова. Способность рассказывать и слушать, взаимно выдвигать аргументы и разумно решать в

пользу того или иного постепенно исчезает, не говоря уж о таких архаичных формах речи, как песня, молитва и слова ободрения».

Тем временем проблема приняла такие масштабы, что в Великобритании пришлось принимать специальные аварийные программы для первоклассников. В 1996 г. пресса сообщала об этом следующее: «Дети дольше учатся говорить, если с ними редко разговаривают. Поэтому британские дошкольники все чаще сталкиваются с проблемой отставания в развитии речи. Теперь в 360 британских школах вводятся аварийные программы, рассчитанные на обучение поступивших в первый класс детей тому, как здороваться или спрашивать дорогу» 112.

Нарушения развития речи у дошкольников

Некоторое время назад группа специалистов — фониатров и педаудиологов, занимающихся нарушениями артикуляции, речи и слуха у детей, забила тревогу после того, как случилось следующее. Чтобы снабдить педиатров удобным инструментом для раннего распознавания нарушений развития речи у детей в возрасте от трех с половиной до четырех лет, директор клиники нарушений коммуникативных способностей при Майнцском университете профессор Манфред Хайнеман разработал методику тестирования, практически опробованную и усовершенствованную в 1988–1992 гг. в ходе множества пилотных обследований¹¹³. Разработка таких методов — будни науки. Но вот цифры, полученные с помощью нового метода, были какими угодно, только не будничными: уже в ходе первого пилотного обследования¹¹⁴ в одном из майнцских детских садов нарушения развития речи обнаружили у 22 % детей, а в ходе третьего обследования в майнцских детских садах, относившихся к «социальным горячим точкам», — и все 34 %.

В среднем у 25 % детей выявлены нарушения развития речи, из которых половина квалифицирована как легкие и по четверти — как средней тяжести и тяжелые; это казалось невероятным, потому что диахронные обследования 1976 и 1977 гг.¹¹⁵ выявили по тем же диагностическим критериям лишь 4 %, что соответствовало уже известным показателям для Германии. Затем майнцские результаты были подвергнуты еще одной тщательной перепроверке, но все осталось как было: за добрых десять лет цифры выросли более чем на 20 %. Диагноз поистине ужасающий.

Другие данные подтвердили этот результат. Так, число учеников в школах для детей с отставаниями в развитии речи в Северном Рейне — Вестфалии

в 1986–1992 гг. выросло на 58 %, в Баварии за тот же период — на 54 %. Обследования, проведенные в детских садах города Ноймюнстера (Шлезвиг-Гольштейн) в 1994 г., диагностировали нуждающиеся в лечении нарушения речи у 25 детей¹¹⁶. Логопед из Англии Салли Уорд обнаружила, что в Манчестере такие дети составляют 21 % от общего числа¹¹⁷, подобные же значения для детишек из мегаполисов она разыскала в англоязычных работах 80-х годов¹¹⁸. Результаты Манфреда Хайнемана, полученные в 1996 г., нашли окончательное подтверждение в обширном исследовании Йор-га Долетала и его коллег на материалах обследований 1641 ребенка из детских садов города Бохума — у 25 % из них обнаружили нарушения артикуляции, а у 43 % — недостаточное понимание речи.

Под угрозой все развитие ребенка

Меж тем было проведено множество других исследований. Английское Общество помощи детям с дефектами речи в 1996 г. сообщило, что уже каждый третий ребенок в Англии «заметно отстает в речевом развитии»¹²⁰. Проведенные в Болгарии в 1998 г. опросы показали, что от 21 до 27 % дошкольников страдают расстройствами речи¹²¹. Объединение немецких логопедов на своей ежегодной конференции, проведенной в Аугсбурге в 1998 г. на тему «Расстройства речи и артикуляции у детей», констатировало, что проблемы с речью отмечаются у 15–30 % всех детей дошкольного возраста¹²². Вероятно, в ближайшее время цепь сообщений с такими цифрами будет продолжена. Кстати, обнаружилось, что эта проблема не связана с определенными социальными слоями или уровнем образования; одинаково страдают дети профессоров и подсобных рабочих. Значит, причины надо искать много глубже.

Насколько серьезно нарушения развития речи могут сказаться на всем дальнейшем развитии ребенка, выяснилось в ходе так называемых follow-up [19 - Продолжающихся в течение значительного промежутка времени (англ.)] обследованиях школьников второго — третьего классов (от восьми до девяти лет), у которых нарушения были диагностированы и лечение началось уже за четыре года до этого. Оказалось, что 52 % из них по-прежнему страдают легкими расстройствами артикуляции, 44 — отстают в развитии речи, 36 — сталкиваются с трудностями в овладении инструментарием культуры (прежде всего правописанием). У них была хуже развита и кратковременная память, и им с заметным трудом давалось построение фраз и обращение с другими речевыми структурами¹²³.

Для более глубокого понимания проблемы важно учесть сделанное учеными наблюдение, что нарушения развития речи у малышей проявляются, как правило, не изолированно, а в сочетании с целым рядом других дефицитов, прежде всего в сфере моторных и сенсорных способностей. Это говорит о том, что овладение речью у детей необходимо рассматривать на более широком фоне: дело идет о развитии не одной отдельно взятой способности, а о целом спектре процессов развития, лишь в своей

совокупности делающих ребенка способным ориентироваться в окружающем мире всеми органами чувств и действовать в нем. Более подробно мы поговорим об этом ниже.

Двенадцать минут разговора в день

Тысячелетиями речь была для людей столь же естественной средой, как воздух, а дети овладевали ею совершенно спонтанно, и это казалось природной способностью. Если бы кому-то взбрело в голову поучать родителей, что они должны говорить со своим ребенком не меньше такого-то времени, те сочли бы это шуткой, инструкцией типа «надо дышать». Но то, что некогда само собой разумелось, сегодня уже не таково, и когда недавно одна из ведущих немецких больничных касс решила издать для родителей книгу под названием «Поговори со мной!», призванную побуждать их говорить с ребенком, она вовсе не шутила¹²⁴. Причина такого поступка очевидна: расходы на обучение каждого третьего или четвертого ребенка в специальной школе для детей с нарушениями речи оказались бы непомерно высокими для страховой больничной кассы, не говоря уж о том, что для обслуживания такого наплыва не хватило бы никаких специалистов. Поэтому все наблюдатели единодушны в мнении: необходима профилактика!

А для этого надо знать, чем вызвано данное явление, и оказывается, что причин тут множество. В интервью для прессы¹²⁵, а также в приложении к упомянутой книге специалисты, к примеру фониастр Манфред Хайнеман и Тео Борбонус (руководитель школы для детей с нарушениями речи в Вуппертале), настойчиво указывают, что рост нарушений развития речи следует связывать не столько с медицинскими факторами, сколько с изменившимися социокультурными условиями, в которых растут нынешние дети. Нарушения слуха, вызванные медицинскими причинами, конечно, немного возросли, считает Хайнеман, но все же главной причиной врачи единодушно называют растущее молчание в семьях.

У родителей «сегодня все меньше времени для детей: в среднем у матери для нормального разговора с ребенком остается лишь примерно двенадцать минут в день», сообщает Борбонус. «Высокая безработица, усилившееся давление конкуренции и рационализации, болезненные сбои систем социального страхования, — продолжает он, — все это делает человека более подавленным, бессловесным, равнодушным». Учителя и родители, считает и Хайнеман, уже не справляются с внезапными социальными изменениями, со стрессами и конфликтами по поводу разводов, с неполными семьями и профессиональными проблемами.

Телевидение наносит вред развитию речи

Но наиболее сильнодействующим фактором, наносящим вред развитию речи у детей, надо считать телевидение, поглощающее все больше времени и у родителей, и у детей. Чистое просмотрное время (которое не надо смешивать с много большим временем работы телевизора) в 1964 г. составляло в среднем по ФРГ 70 минут в день, в 1980 г. для взрослых этот показатель поднялся до двух часов, а в 1998 г. дошел до отметки (опять-таки для взрослых) 201 минута в день¹²⁶. Это равнозначно примерно трем с половиной часам «радиомолчания» между родителями и ребенком.

И уж совсем невозможными оказываются семейные разговоры, если милых деток одаривают еще и собственным телевизором. Вынужденная изоляция заставляет их заметно увеличивать потребление телевидения, как свидетельствуют статистические данные. У детей в возрасте от трех до тринадцати лет без собственного телевизора просмотрное время составляет 100 минут в день, тогда как у детей с собственным телевизором оно постоянно растет. В 1999 г. уполномоченная радиостанции «Свободный Берлин» по работе с молодежью Инга Мор пришла к выводу: «Дети с собственным телевизором каждый день смотрят передачи более трех с половиной часов»¹²⁷. (Заставляет задуматься ее примечание, что эти дети больше всего любят смотреть взрослые передачи в вечерних и ночных программах!)

Особенно ужасно, что в 1998 г. это касалось уже самых маленьких детишек (от трех до пяти лет), — таких, что смотрят телевизор от двух до четырех часов ежедневно, было 10,3 %, а еще 2,4 % смотрели передачи по четыре — шесть часов и больше¹²⁸. Хайнеман замечает по этому поводу: «Но как раз эти дети, по нашим данным, смотрят дополнительно еще и видеофильмы и играют на карманной электронной игрушке или на компьютере»¹²⁹. Следовало бы добавить: и как раз у них возникают нарушения речи, которые надо серьезно лечить.

А между тем ущерб развитию речи у детей наносит отнюдь не только молчание перед телеэкраном. Хайнеман подчеркивает, что в этом отношении телевизор с его «преобладанием визуальной информации» и сам по себе неблагоприятно сказывается на детях. «Даже детские передачи, — сетует он, — часто совершенно далеки от действительности, а быстрые смены кадров не дают ребенку возможности как следует проследить за ходом действия. Передачи нередко построены стереотипно и

потому никак не побуждают ребенка развивать собственную фантазию и творческие способности. К тому же именно у частных телеведущих доминируют боевики и показы сцен насилия». Поэтому и речь детей в играх со сверстниками становится скучной — они ограничиваются восклицаниями наподобие тех, что встречаются в комиксах, бессвязными обрывками фраз и нелепыми имитациями шумов, сопровождая их роботоподобными движениями.

Но телеэкран не только препятствует формированию речи и артикуляции. Он блокирует и спонтанные, творческие игры и естественное движение, не давая детям стимулов, столь необходимых им для формирования двигательных навыков и органов чувств. Нехватка многообразия варьирующихся раздражений, идущих от окружающего, может привести к дефициту в формировании функций головного мозга, предупреждает Борбонус, а страдают при этом творческие способности, фантазия и интеллект. Основываясь на многолетнем педагогическом опыте, ученый констатирует, что из-за нехватки первичных стимулирующих раздражений у нынешних детей с все большим трудом формируются функции для восприятия внутренних и внешних состояний — тепла, равновесия, движения, обоняние, осязание и вкус. Этот дефицит только усугубляется недостатком в больших городах пригодных для игр площадок и стимулирующих условий. Поэтому Борбонус призывает создать среду, стимулирующую развитие детей. «Человеческая теплота, игры и движение при этом обязательны», — гласит его вывод.

Фатальные последствия ложной модели мышления

Корни проблемы уходят, очевидно, гораздо глубже — в общий склад и условия существования нашего времени, слишком глубоко, чтобы можно было говорить об одном изолированном патологическом явлении.

Нарушения развития речи — лишь верхушка айсберга, т. е. комплекса причин, начинающих угрожать всей нашей культуре и цивилизации. Но причин опускать руки нет — ведь вина тут лежит на нас самих и нам же самим надо скорректировать неверное направление развития.

Для этого необходимы разнообразные усилия. И все же шансов на успех будет мало, если не удастся изменить что-то решающе важное в нас самих, в нашем складе мышления. Его главная отличительная черта — привычка рассматривать все, что относится к речи и ее слуховому восприятию, сквозь призму чисто технической модели отправителя и получателя, входа и выхода, будто дело идет об обмене информацией между двумя компьютерами.

Такой подход был и остается наиболее распространенным в науке, не обошел он стороной даже комплексный процесс обучения малышей речи. Хотя в 60-е и 70-е годы часто указывали¹³⁰, что дети научаются речи не через пассивное ее восприятие, а интерактивно, многие исследователи упорно твердят: чтобы дети овладели речью, важно просто установить

правильный input, «вход», со стороны окружающих, а уж лучше радио и телевидения тут ничего не придумаешь — ведь никакой взрослый не может тягаться в абсолютной правильности речи со специально обученным диктором, не говоря уже о множестве образовательных программ. Так вот, стало быть, телевидение, этот своего рода говорящий учебник с картинками, и есть идеальное средство для обучения малышей, лучше всего способствующее развитию у них речи¹³¹.

В том, что такой подход не имеет ничего общего с фактами, общественность могла убедиться, когда английский логопед Салли Уорд обнародовала результаты своих десятилетних исследований (1996). Она установила, что у 20 % обследованных детей в возрасте девяти месяцев уже обнаруживается запаздывание физического развития, если родители пользовались телевизором как нянькой¹³². Если дети продолжали смотреть телевизор, большинство из них к трем годам отставали в своем развитии уже на целый год, т. е. говорили как двухлетние, а тем самым под угрозой оказывалось все их дальнейшее развитие. А вот если родители, проявив наконец благоразумие, вместо телевизора начинали пользоваться прямыми речевыми контактами с ребенком, девятимесячный малыш мог наверстать упущенное уже за четыре месяца, лекарством же было не что иное, как слова, живые слова родителей!

В 1990 г. некоторые ученые еще полагали, будто план обучать детей первого года жизни языку исключительно через электронные масс-медиа, чтобы посмотреть, овладеют ли они речью таким путем, — это «жестокий мысленный эксперимент»¹³³. Тем временем мысленный эксперимент превратился в жестокую реальность, которая учит: речь из динамиков не делает того, что делает речь взрослых в прямых контактах с детьми. Даже когда из аппарата звучат те же самые слова, ребенок, постоянно слышащий только их, оказывается отброшен в своем развитии назад, потому что при этом блокируется формирование необходимых для речевой деятельности структур мозга. А вот звуча из уст матери, они же так сильно продвигают малыша вперед, что он даже способен наверстать упущенное.

Значит, исследователи должны поставить вопрос: чем речь из динамиков отличается от живой речи? Ведь с точки зрения физической разницы как будто бы нет. Но почему же тогда технически опосредованная речь не дает сложиться функциям мозга у детей, тогда как ее оригинал эти функции поддерживает?

Речь — вовсе не такси

Языкознание привыкло видеть в человеческом языке всего лишь транспортное средство, с помощью которого информация от «отправителя» поступает к «получателю».[20 - Это приложимо, конечно, не ко всякому языкознанию, а только, пожалуй, к ориентированному на сплошную формализацию изучаемых связей.] Но этот подход, развитый еще в XIX столетии, чреват далеко идущим выводом: если дело только в том, чтобы «транспортировать» содержание, то у живой речи нет собственного, особенного смысла, ведь информация может дойти до адресата и через других посредников — письмо, знак, образ, жест. Каким из них воспользоваться, информации столь же безразлично, как безразлично пассажиру, на такси какой марки — «дайм-лер», «вольво» или «форд» — ехать на вокзал. Но ребенку совсем не безразлично, через какого посредника входить в мир языка. Ведь свою человеческую сущность — в самом фундаментальном смысле слова — он сможет когда-нибудь добыть, лишь если вступил в контакт с человеческой сущностью родителей через живую родительскую речь. При этом дело не столько в передаче информации, сколько в совсем иной, гораздо более значимой деятельности. Прежде чем малыш научится произносить хотя бы одно крошечное предложение, он должен в совершенстве овладеть координацией более сотни мускулов, участвующих в артикуляции, а это в высшей степени сложный процесс. По уровню сложности с ним не сравнится ни одно другое движение, какому способен научиться человек¹³⁴. И этот процесс, в свою очередь, — лишь часть той делящейся не один год борьбы за овладение функциями своего тела, которую ведет ребенок. С первого дня жизни он с невероятной энергией тренирует различные двигательные функции и их взаимодействие, начиная с движения глаз и рук через умение держать голову, стоять и ходить и вплоть до овладения тонкой моторикой кистей рук и пальцев. Артикуляция звуков речи — словно зрелый плод на дереве, выросшем из деятельности этого «двигательного человека», работающего над мускулатурой всего тела.

Насколько тесно в первые годы жизни моторика речепроизнесения связана с общей моторикой тела, выявилось, к примеру, в ходе обследования дошкольников с нарушениями речи (Массингер, Никиш, 1996). Оказалось, что у 70 % детей они сопровождались дополнительными нарушениями как тонкой, так и общей моторики¹³⁵. В более ранних обследованиях было выявлено от 60 до 70 %. Нарушения развития речи сказывались в том числе на движении глаз¹³⁶.

Но если двигательные способности как следует не развились, то недоразвитыми останутся и сенсорные способности. Это уже доказано относительно зрительного восприятия (нарушения у 85 % детей)¹³⁷, и прежде всего относительно осязания: дети без нарушений речи в возрасте от трех до шести лет в тестах Кизе-Химмель показывали заметно лучшие результаты в тактильном восприятии, чем дети того же возраста с нарушениями речи¹³⁸. При повторных тестах второго уровня эти последние все еще не могли справиться с комплексными тактильными восприятиями¹³⁹. Стало быть, похоже на то, что формирование тактильного восприятия — предпосылка, необходимая, чтобы дети овладевали речью.

Речь — это искусство движения

Возбуждение звуковых волн и перенос информации так же мало характеризуют звучащее, живое слово, как анализ частот — ощущения, оставшиеся от прослушивания концерта в зале. За звуками речи стоят не колебания голосовых связок, а бессознательный искусный «постановщик движения», с большим тщанием настраивавший свой физический, голосовой инструмент, покуда не оказался в состоянии словно играючи извлекать из потока воздуха бесчисленные звуки и оттенки речи.

Если бы мы могли воспринимать эту бессознательную деятельность глазами, то увидели бы, что в ее ходе беспрестанно создаются пластические формы: получается это примерно так же, как у ваятеля, обрабатывающего дерево или камень, — разве что тут речь идет о мягкой, подвижной мускулатуре, порождающей все новые формы звука. Чтобы артикулировать звук, отнюдь не достаточно направлять поток выдыхаемого воздуха через гортань, выпуская его изо рта в виде звука. На самом деле этот поток на своем пути через трахею, глотку и рот должен пройти сквозь рельефно вылепленную полость, похожую на русло реки, — ее форма с быстротой молнии меняется движением мускулатуры нёба, язычка, языка, челюстей и губ в зависимости от того, какой звук требуется произнести. И вот, когда поток воздуха выходит наконец через губы, он не только звучит, но и несет с собой — в силу каждый раз особенной формы пройденного им «речного ложа» — соответствующую особенную тенденцию формы, которую и придает окружающему рот воздуху. Так рельеф внутренней мускулатуры порождает пластические формы внешнего воздуха.

Первым на эти незримые, порождаемые речью воздушные формы указал в 1924 г. Рудольф Штайнер¹⁴¹. Его замечание, что сделать их зримыми безусловно возможно, пользуясь соответствующими средствами, в 1962 г. было реализовано дрезденской учительницей Иоганной Цинке.

Десятилетиями изучая эту тему, она смогла показать, что каждый звук речи и впрямь порождает перед ртом особенную, характерную только для него воздушную форму, причем явление это закономерно воспроизводится.

Чтобы зримо отобразить отдельные формы и зафиксировать их с помощью фотоаппарата, Цинке поначалу использовала явление естественной конденсации пара при температурах ниже нуля. Но намного эффективнее оказался другой метод — перед произнесением какого-либо звука нужно было вдохнуть немного табачного дыма. Тогда возникающая воздушная форма оказывается насыщенной частицами дыма, и ее без труда можно видеть при комнатной температуре. Другим способом визуализации могут служить снимки, сделанные при помощи прибора Тёплера и интерферометра. (Снимок на ил. 3 сделан при помощи прибора Тёплера,[21 - Следует учесть, что во всех примерах речь идет о звуках немецкого языка, артикуляция которых заметно отличается от артикуляции соответствующих русских; в данном случае все звуки артикулируются более энергично и «резко».] остальные — обычные снимки выдыхаемого табачного дыма. На них показаны предельные объемы воздушных форм.)

Но полная картина происходящего выявилась, лишь когда «воздушные звуковые формы» (как назвала их Цинке) были засняты на пленку высокоскоростной камерой. Тут можно было увидеть, как каждая форма в течение долей секунды возникает, достигает полного объема и вновь исчезает, причем каждый раз это происходит в другом темпе и другой манере. Тогда всякий звук речи предстает взору как текучее изваяние¹⁴².

Стало быть, речь — в самую первую очередь формосозидающий процесс. В его ходе складываются динамические образования, которые частично в течение секунд остаются в воздухе, после того как соответствующие звуковые волны уже исчезли. Но одновременно и все тело говорящего при каждом звуке речи производит определенные, недоступные невооруженному глазу движения. Выявить эти движения помогла еще совсем молодая наука кинезика: исследователи снимали говорящих высокоскоростной камерой (30 и 48 кадров в секунду), а затем подвергали отдельные кадры микроанализу. Оказалось, что эти микродвижения протекают абсолютно синхронно с актом произнесения, затрагивая всю мускулатуру тела с головы до ног¹⁴³.

Слушатель пляшет один танец с говорящим

Специалисты по кинезике с изумлением обнаружили, что слушатель, со своей стороны, отвечает на выслушанное точно такими же микродвижениями, какие бессознательно производит говорящий, и точно так же — с головы до ног, но с минимальным запаздыванием в 40–50

миллисекунд. Сознательная реакция при этом, естественно, исключена. Открыватель этого явления Уильям Кондон описывает поразительную синхронность движений говорящего и слушающего следующими словами: «Выглядит это так, будто все тело слушающего точно и пластично сопровождает речь говорящего плясом» 144.

Хотя физически связи между этими процессами установить невозможно, кажется, будто говорящий и слушающий ритмично движутся в какой-то общей среде. Причем, как показали проверочные тесты, это относится исключительно к звукам речи, но никак не к шумам или бессвязным звукам. А речь опять-таки может быть на каком угодно языке: Кондон выяснил, что двухдневный младенец реагирует и на китайскую речь, и на английскую точно теми же микродвижениями, какие производит говорящий¹⁴⁵.

Отсюда становится понятно, что слышимая речь первым делом воздействует на бессознательного «постановщика движения», о котором говорилось выше. Он, словно танцор, всем телом встраивается в актуальный пластический поток движения, каким является речь, и притом сразу, без предварительной сознательной регистрации, переживания и обработки звука. Зазор в 0,04 секунды не оставляет никакой возможности для размышлений, а уж тем более — для эмоциональной реакции.

Звуки речи пронизывают всего человека

Все это происходит на самом глубоком, наиболее элементарном уровне речи, там, где она — чистое движение. Движение порождает все, что составляет речь. Она по самой своей сути призвана размягчать даже самое жесткое и застывшее слово — к примеру, угол или край, — превращая его в текучий процесс движений мускулов и звуковых воздушных форм, переходящий от К к Р, от Р к А, от А к Й в постоянной трансформации. Этот двигательный процесс, исходя от говорящего, переходит на мускулы и конечности слушающего — и вот они охвачены им же. Слышит в буквальном смысле слова человек целиком. Даже язычок слушающего постоянно воспроизводит то, что говорит или поет другой.

Но все это — лишь первый этап в процессе слушания. На следующем этапе движение переходит от чисто мускульной активности на ритмическую деятельность сердца и легких. Тут оно, как всякий рассказчик может видеть на своих слушателях, производит напряжение и расслабление, ускорение и замедление естественных ритмов, и теперь эти легкие отклонения охватывают и душу слушателя, вызывая в ней живой отклик. Телесное

движение преобразуется в движение души, и из области бессознательных переживаний, похожих на глубокое сновидение, мы переходим в область полусознанных, грёзоподобных эмоций.

Лишь на третьем этапе это движение достигает полюса нервной чувствительности головного мозга, где вновь преобразуется — на этот раз в движение умственное, ясно осознаваемое как понятие или представление. Здесь, в сфере понятий, «к-р-а-й» являет собой нечто твердое, застывшее, тогда как на уровне телесного процесса звукоизвлечения это было чистое движение, а на душевном уровне — подвижное ощущение. Стало быть, речь пронизывает собой всего человека, причем снизу вверх, а не наоборот:

Овладение речью и формирование мозга

Эти ступени, на которых реализуется слушание, в миниатюре (снизу вверх) отображают путь, который в полном масштабе должен пройти ребенок, овладевающий речью. И здесь отправную точку следует искать не в холодном регистрирующем уме, а в целиком бессознательной, импульсивной двигательной активности тела. Но протекает она одновременно с речевыми движениями тела говорящего, и тут нам придется подправить расхожее представление о детях как подражателях: речь идет не о подражании, а, с позволения сказать, о совыражении. Приведенный выше пример с американским младенцем, движения тела которого были синхронны со звуками и китайской, и английской речи, демонстрирует, как протекает этот процесс на самом деле. Ребенок отнюдь не лежит колодой, вслушиваясь в звуки речи, чтобы затем попытаться сделать нечто подобное собственными двигательными усилиями. Напротив, он с первого же мгновения бессознательно всей своей телесностью встраивается в движения, производимые звуками, он «выплясывает» поток речи вместе с говорящим со всей точностью и закономерностью, не привнося туда ничего своего. Уильям Кондон точно выразил это в названии своего исследовательского отчета: «*Neonate Movement is Synchronized with Adult Speech*» («Движение новорожденного (протекает) синхронно с речью взрослого»). Это еще не имеет ничего общего с эмоциями и мышлением, а представляет собой чистую деятельность, формообразующее движение. Из этого-то движения ребенок строит позже свою речь.

При всем при том весь этот процесс окутан густой мглой, которую нам надо постепенно рассеивать, если мы хотим правильно помогать развитию речи у детей. Ведь, научаясь воспроизводить формы звуков, ребенок одновременно развивает свой мозг, формирует его. В это время закладываются основы всего интеллекта, и взрослые вносят в это дело решающий вклад: ведаем мы о том или нет, любым произнесенным словом мы воздействуем на физический организм ребенка, а тем самым влияем и на формирование его душевных и умственных способностей, какими они сложатся в последующей жизни. Понимает ли кто-нибудь, какую ответственность берет на себя, разговаривая с ребенком или даже просто в его присутствии?

Ущербность динамик

Подобную ответственность нельзя перекладывать ни на какие динамики. Вообще, динамики в смысле задачи, решаемой в первые годы жизни, — вещь безнадежно ущербная. Их звукам не хватает как раз того, от чего зависит развитие речи: живого присутствия человека с его адресованной конкретному слушателю (в данном случае — ребенку) речью. Эта адресная речь способна, зарождаясь в бессознательных глубинах тела говорящего, придавать мускулатуре определенные двигательные формы, производящие звуки речи, которые из пронизанного теплом и влажностью дыхания лепят в окружающем воздухе подвижные образования. Тут работает формообразующая воля, пробуждающая в ребенке ответную волю формировать звуки. Ведь только воля воспламеняет волю, только живое присутствие «я» пробуждает «я» в ребенке, подводя его к активному овладению инструментами речи и к их выправлению до полной функциональной пригодности. То, что языкознание обозначает сухим словом «интеракция» (взаимодействие), предстает духовным событием, совершающимся между «я» и «я», во взаимном обмене волевой деятельностью, — энергией, которой духовное начало (и у взрослого, и у ребенка) пронизывает всего человека сверху вниз вплоть до физических процессов.

Этого измерения динамики лишены начисто. Они не способны лепить воздушные звуковые формы. Они производят не более чем звуковые волны, механические колебания картонных мембран, ни к кому не обращенных и ни от кого не ожидающих ответа. Дети, правда, и на такие звуки реагируют микродвижениями тела, но их воля к построению звуков остается при этом безучастной. Ни о каком сколько-нибудь заметном вкладе в развитие речи тут говорить вовсе не приходится, в чем не оставляют и тени сомнения данные Салли Уорд. Динамики страдают и всегда страдали аутизмом, [22 - Аутизм — патологически обусловленная полная психическая изолированность, при

которой человек в состоянии говорить и думать только о себе, утрачивая способность к контактам.] ничего не дающим развитию детей.

Музыкальность речи — родная стихия ребенка

Речь живет общностью. Если один говорит, а другой слушает, оба они, как выяснила кинезика, оказываются в общей сфере движения и текучих форм, охватывающей и омывающей их, словно некое формообразующее море¹⁴⁶. Причем в эту общую сферу входит не только слово как таковое, но и все, что можно назвать музыкой речи: мелодика фразы и ударение, тембр и интонация, ритмические структуры, высота тона и нюансировка голоса, громкость, темп — элементы речи, воздействующие на малышей гораздо сильнее, чем содержание сказанного.

Всюду, где одновременно поют, играют, говорят и движутся, дети чувствуют себя в своей стихии и совсем неспроста стремятся вновь и вновь повторять свои песенки и стишки, куплеты и хороводы. Ведь главное для них не в информации, выраженной понятиями, — ее достаточно сообщить один раз, — а в разыгрывающейся в потоке времени, формирующей и образующей силе, присущей музыке слов, в созвучии с которой формируется их организм. Чтобы крепло тело, в определенном ритме должны следовать друг за другом приемы пищи и питья — но точно так же «речевое тело» ребенка живет в стихии ритмического повтора. Дети и сами подчас выдумывают композиции звуков, выражающие одну только музыку речи да радость ритмического повтора, и больше ничего. Вот эта считалка — чистейший тому пример:

Enne denne dubbe denne

Dubbe denne dalia

Ebbe bebbe bembio

Bio bio buff!^{[23} - Это, вероятнее всего, не расхожая детская считалка, а плод индивидуального творчества, подслушанный автором (поэтому остается здесь без русского аналога). Нечто подобное читатели слышали хоть раз в жизни, общаясь с детьми.]

Можно мечтательно погрузиться в звуковую ворожбу этого стишка, не отягощенного никакой понятийной информацией, приятно раскинувшись на неизменном несущем ритме каждого слова, пока наконец не наступит внезапное пробуждение: вот он — тот, кого надо искать или «салить».

Кто хочет делать детям добро, должен сознательно побуждать их к таким языковым и двигательным играм, какие в прежние времена возникали сами

собой. А выбирая для детей книжки, надо судить о ценности текстов не столько по их содержательному качеству, сколько по музыкально-ритмическому качеству языка, по образной выразительности слов, по богатой ритмической композиции фраз. Ведь это и есть подлинный хлеб, которым живут дети. Может быть, взрослому придется и самому стать чуточку ребенком, чтобы проникнуться музыкальным качеством поэтически изваянной речи и прочувствовать ее оздоровительную, созидательную энергию всем своим телом. Вот тогда-то он и узнает, что значит окунуться в сферу творящих и формообразующих жизненных сил, где ребенок по самой своей природе — в родной стихии.

Образные выражения — сила, формирующая душу

Но эти жизненные силы, следуя первичному закону всякого развития, преобразуются в нечто более высокое. Как только их работа над физической организацией тела завершена, а важнейшие функции сложились, прямо-таки магическое действие речи на детское тело постепенно замирает, и отныне речь созидательно и формообразовательно воздействует на сферу фантазии и творческого воображения. Как отдельный звук охотно предоставляет себя слову и в каком-то смысле заслоняется им, так и формирующая тело энергия звука начиная с третьего-четвертого года жизни уступает место переживанию образа, словно по волшебству являющегося из словесных звуко сочетаний. Энергия звука, вероятно, продолжает действовать где-то в глубинах — об этом говорит неизменное удовольствие, какое дети вплоть до первого школьного года извлекают из ритмов и основанных на созвучиях шуток, из звуков речи и музыки слов. Но на передний план все больше выходит образ, переживаемый благодаря сочетаниям звуков. И этот образ наливается для ребенка жизнью тем полнее, чем четче прочерчивают его сами рисующие звуки. Вот две наглядные иллюстрации сказанного.

В сказке «Бременские музыканты»[24 - Речь идет о тексте сказки, известной большинству читателей только по мультфильму.] Осел спрашивает бегущего впереди Пса: «Ты чего так пыхтишь, Полкан?» Пусть даже ребенок никогда еще не слышал слова «пыхтеть» — он сразу поймет его по звуковому рисунку, словно увидав перед собой свесившего язык набок и жадно глотающего воздух Пса. Да и острые зубы, выставленные при этом на обозрение, станут для него почти осязаемым образом благодаря слову «Полкан», в звуках П и К которого отчетливо слышно, как собака щелкает острыми зубами. Тут звуки прорисовывают в душе ребенка вполне

конкретные, словно чувственно осязаемые образы. А возможности языка назвать по имени каждую вещь, каждое создание столь же богаты, как и чувственный мир. И вот Осел говорит с Котом, у которого очень жалкий вид, совсем иначе, нежели с Псом. Он здоровается с Котом так: «Что у тебя не заладилось, старый зализа?» Можно ли удачней описать сибаритско-изящного кота, который, полизав бархатную лапку, трёт ею усы, чем вереницей согласных слова «зализа», привлекающих внимание ребенка к губам и языку? Из этих звуков складывается образ, столь восхитительный для детишек.

Но природа таких образов-картин — и взрослым необычайно важно знать об этом — совершенно иная, чем у экранных образов телевидения: заранее заготовленные телеобразы обстреливают сетчатку глаз извне, а внутренние картины создаются самим ребенком с помощью формообразующих сил души, потому что представляют собой активную, творческую деятельность. Изготовленный техническими средствами, навязываемый извне образ парализует внутренние силы ребенка, которые и творят образы, а с ними вместе — львиную долю потенциала его умственного и душевного развития. Ведь способности становятся его прочным достоянием только благодаря интенсивной собственной активности.

Еще одно измерение слов — «унтертон»

Если для самого начала жизни необычайно важно, чтобы речь формировала телесные органы, то для всей будущей жизни ребенка столь же важно формирование душевных органов — фантазии и творческого воображения. А вот подходящей для этого среды дети почти полностью лишены — звучащая сегодня повсюду речь в высшей степени абстрактна, чего мы попросту не замечаем. Поэтому очень важным вкладом в здоровое развитие ребенка может стать сознательное употребление взрослыми образно-конкретной речи. Такую речь взрослые могут выработать сами, там и сям выуживая слухом образы, незаметно для нас дремлющие в каждом слове¹⁴⁷.

Зачастую достаточно небольшого умственного усилия, чтобы заметить их, — и тогда внезапно начинаешь соображать, до тебя доходит, становится прозрачным и тебя озаряет, что, скажем, слово «стоеросовый» подразумевает «стоя» и «расти». Правда, многие такие образы так затерлись, что их уже и не расслышать, несмотря на все усилия. Тогда поможет этимологический словарь, раскрывающий происхождение и

изначальное значение слов. Право, при случае стоит туда заглянуть. Можете ли вы, к примеру, сказать, какой образ скрыт в слове «здоровый»? Языкознание говорит, что его исходные значения связаны с древними корнями «съ» (хороший) и «дорво» (дерево) и, значит, выражают смысл «из хорошего дерева». Это слово родственно немецкому «kemgesund» (здоровый как бык, от «Kern» — сердцевина, ядро) и латинскому «gobur» (древесина дуба). Теперь скрытый в слове образ ясен и без ученых дефиниций!

Правда, иногда заставляют поломать голову и этимологические словари. Когда вы справляетесь там, скажем, об изначальной образной основе слова «истина», то узнаете сразу три вещи, поскольку ученые еще не пришли к единому мнению. Во-первых, его связывают с «есть»: значит, «истина» — это то, что «есть» на самом деле. Во-вторых, ему родственно значение, выраженное словом «ясный» (пылающий, блистающий): значит, «истинный» — «ясный как день». Наконец, предполагают родство с древним местоимением, означающим «тот же самый»: значит, «истинный» — такой, который всегда остается тем же самым, не меняется, не лжет.

Подобным образом дело обстоит с глаголом «превращаться» (разные формы его основы — ворочать, воротить, вертеть). Оно родственно латинскому *vertere* означает «поворачивать, обращать, вертеть, переворачивать». Но что общего у превращения с переворачиванием? Загадка будет решена, когда мы узнаем, что по-латыни *vertere* может означать еще и «пахать плугом»: пахарь «переворачивает» плугом пласты земли, чтобы подготовить ее к новому севу. А значит, он обращает дотопе незримую «подпочву» лицом к свету и наоборот — зримую дотопе поверхность лицом к тьме, незримости. Точно так же однолетнее растение по весне «обращается» от незримости к зримости, а осенью — назад к незримости: оно превращается, становится.[25 – Эти данные извлечены из четырехтомного «Этимологического словаря русского языка» Макса Фасмера [М., 1986, 1987 (2-е изд.)] взамен немецких слов, приведенных автором.]

Совершая время от времени такие экскурсии в область истории слов, взрослые приучатся улавливать в них конкретное, а тогда и речь их станет вскоре конкретной, задушевной, насыщенной образами. И чем яснее для них, каковы на «вкус» жизненные соки слов, тем питательнее будет их речь для детских душ. Слова будут звучать совершенно так же, как прежде, но в

них, по выражению Рудольфа Штайнера, завибрирует «унтертон»,[26 - Унтертоны — не слышимые простым ухом, теоретически выведенные звуки ниже основного тона. Воспроизводятся только в особых, искусственно созданных условиях или электромузыкальными инструментами.] идущий прямо в душу и творящий новую, более интимную общность детей и взрослых.

Отношение к речи, к языку вообще совершенно изменяется, когда ребенок переходит в пубертатный возраст. Подросток выхватывает из языка понятийные структуры, логические закономерности и начинает ловко ими жонглировать.

Он поворачивается спиной к речи как звуковому потоку и входит в сферу чистого мышления, туда, где математики, говорящие на любом языке, приходят к однозначным и окончательным результатам. Но это уже другая тема, рассматривать которую тут не место¹⁴⁸.

В начале — Слово

Наше рассмотрение показало, сколь необычайно важно воздействие творческого, формосозидающего слова на все аспекты жизни детей. Оно помогает сложиться телесным и душевным органам малыша, оформляет его душевные силы и словно вдыхает в них жизнь, подготавливает к самостоятельности его ум при переходе к пубертатному возрасту. Без слова человек никогда не становится человеком, без него невозможно становление, развитие. «В начале было Слово»: теперь, перед лицом разразившейся катастрофы языка, мы начинаем заново открывать для себя глубокий смысл этих древних, библейских слов.

Слова «Wort» (нем. «слово») и «werden» (нем. «становиться») неспроста восходят к од-ному и тому же корню. Ведь в творческом слове всегда скрыта энергия становления — в смысле разъясненного выше «обращения» (wenden): то, что у говорящего живет в мыслях и переживаниях, речь «преображает» (преобразует) вовне в слышимые звуки, доходящие через воздух до слушателя. А в нем акустические явления — звуковые волны, в свой черед, «преображаются» во внутренне воспринимаемые мысли и переживания. Слово обращает сверхчувственное в чувственное, а чувственное — в сверхчувственное.

Но эта исконная сила речи не действует, если ее прогоняют через машины. Ей нужен человек, который превратит себя в посредника слова. Лишь тогда

она сможет препроводить «я» ребенка из миров сверхчувственных в чувственный мир, лишь тогда она сможет высвободить из чувственного мира сверхчувственные силы, необходимые ребенку для установления связи между душой и умом, с одной стороны, и телом — с другой.

У взрослого есть возможность поставить себя на службу созидательному, строительному и формообразующему вселенскому Слову. Но тогда он не должен забывать: хотя слова произносит он сам, хотя без него они не могли бы воздействовать на ребенка, но их энергия идет не от него. Его самого человеком сделало Слово — а он лишь передает энергию Слова ребенку, стремящемуся стать человеком.

Источник:

<http://whatisgood.ru/zastyvshij-vzglyad-fiziologicheskoe-vozdejstvie-tel...>

суббота, 27 июня, 2015